

P1(c132)

T 70

K 41805

Скн

Р1 (с 132)
А Т 70

ДЕМОНЪ

ВЪ СЛАВѢ.

Per quae quis peccat,
Per eadem torquetur.

Поэма на мотивъ легенды:
„Возстановленіе ада.“

Николая Ив. Троицкаго.

Сентябрь, 25-е—Ноябрь, 7-е
1903 г.

ТУЛА.

Типографія И. Д. Фортунатова насл., Кіевская ул.
1904.

Р1 (с132)

Т70

Т70

Г. К.

ДЕМОНЪ

ВЪ СЛАВЪ.

Per quae quis peccat,
Per eadem torquetur.

Поэма на мотивъ легенды:
„Возстановленіе ада.“

Николая Ив. Троицкаго.

Сентябрь, 25-е—Ноябрь, 7-е
1903 г.

~~В. Г. К. / Х.~~

ТУЛА.

Типографія И. Д. Фортунатова насл., Кіевская ул.
1904.

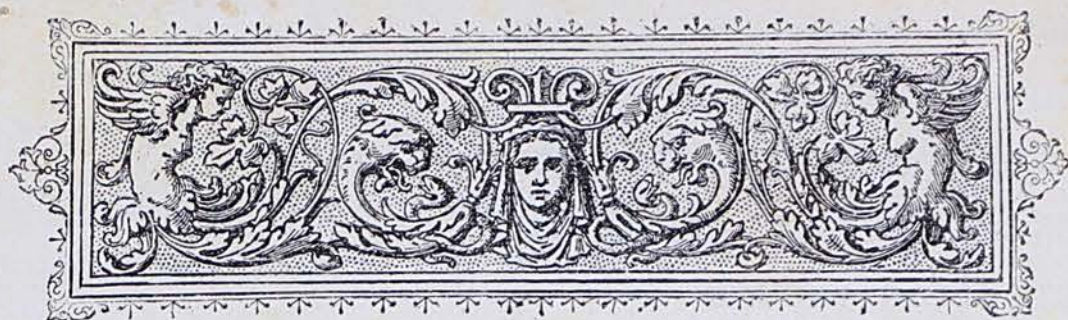
41905-
С

Дозволено цензурою. Москва, 31 декабря 1903

Книга первая.

Измѣна.

I.

Въ царствѣ демоновъ волненье...
Взволновалась ихъ страна—
Получилось извѣщенье,
Что потерпитъ униженье
Самъ державный сатана.
Да-съ, какой-то демонъ—бѣсъ
Отказался наотрѣзъ
Сатанѣ рабомъ служить
И изволилъ заявить,
Что не старый онъ, не хилый,
Что онъ собственной силой
Можетъ адъ возстановить,
И хозяиномъ въ немъ быть,

Но не въ безднѣ и во мглѣ,
Нѣтъ,—на нашей на землѣ.
Смѣло-дерзко бѣсъ хвалился,
А потомъ куда-то скрылся;
Но стоустая молва
Говорила года два,
Что тотъ демонъ въ-правду силенъ
Да и средствами обиленъ,—
Что не хочетъ подчиняться,
Что не любить извиняться...

II.

Бѣсы думали—рядили
И рогами землю рыли—
Обсуждали всѣ вопросъ,—
Безъ вина и папирозъ,—
Кто такъ дерзокъ, чтобъ рѣшиться—
Съ сатаною препираться?
Ну, конечно, спорить стали,—
И визжали, и кричали,
Много злились и серчали
И едва не подрались
Да за разумъ принялись:
Порѣшили миромъ — ладомъ,
Порѣшили цѣлымъ адомъ—
„Отыскать и —наказать.“
Ну, и принялись искать.

III.

Ужъ искали—то искали,
И вблизи, и въ дальней дали:

На Босфорѣ, въ Амстердамѣ
И въ Корей, и въ Панамѣ;
По прямымъ, кривымъ дорогамъ,
По еврейскимъ синагогамъ,
И во храмъ бога — Браны,
И въ салонъ „легкой дамы.“
Но лишь года черезъ три
Наконецъ и обрѣли
Рано утромъ на зарѣ
На каретѣ въ фонарѣ.
Бѣсы очень эластичны,
Къ неудобствамъ всѣ привычны.
Нынѣ учатъ, впрочемъ, вздорно,
Чтобъ не требовать услугъ:
Какъ же быть? — прошу покорно:
Вонъ въ фонарѣ забрался духъ...

IV.

Въ той каретѣ ѣхалъ баринъ,
Ѣхалъ онъ изъ маскарада,
Ѣхалъ онъ куда — не надо.
Баринъ спалъ, одѣвшись въ бурку.
Ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ корнетъ.
Тотъ нащелкивалъ мазурку
И насвистывалъ сонетъ.
Наконецъ и онъ сапѣлъ.
Тутъ-то демонъ и подсѣлъ.
Какъ знакомы баринъ съ бѣсомъ,
И съ какимъ, молъ, интересомъ
Демонъ сталъ за сѣдока,
Мы не скажемъ вамъ пока.

V.

Бѣсы зорко всѣ слѣдили
 И изъ глазъ не упустили:
 Какъ бѣсенка увидали,
 Такъ тотчасъ атаковали,
 И ужъ какъ же были рады.
 Но отъ устали—досады—
     Кто щипкомъ,
     А кто рывкомъ,
 Кто такъ прямо кулакомъ
 Бѣса дерзко оскорбили
 И во гнѣвѣ возопили:
 „Ну-ка, братъ, пожалуй съ нами,
 Повидайся-ка съ бѣсами.“
 И бѣсенка—бѣглеца,
 Самохвала—наглеца
 Дружно за ноги схватили
 И съ позоромъ потащили.

VI.

Судъ иные отвергають.
 Это твердо бѣсы знаютъ.
 Вотъ, безъ всякаго суда
 Порѣшили бѣса сѣчь;
 И безъ всякаго стыда
 Приказали бѣсу лечь.
 Принесены были лозы
 Изъ сухихъ вѣтвей березы;
 Но бѣсенокъ тотчасъ въ слезы;
 Плакалъ горько, непритворно.

Бѣсы сжалились,—рѣшили,
Что лозами драть позорно.
Драть-де учить князь Мещерскій,
Но обычай этотъ мерзкій;
И хотя бы намъ не сродно,
Но накажемъ благородно.
Такъ, дадимъ ему урокъ.
Но урокъ тотъ былъ жестокъ:
Чтобъ бѣсенка поисправить,
То, на радость всей страны,
Повели его представить
Передъ очи сатаны.

VII.

Сатана сидѣлъ на тронѣ
Въ размалеваной коронѣ,
Но безъ всякаго костюма.
Въ головѣ гнѣздилась дума.
Онъ былъ мыслью озабоченъ—
Чѣмъ закончится погоня,
Гдѣ отыщутъ бѣглеца,
И когда его доставятъ,
И на чемъ его удавятъ.
Сатана былъ золъ, сердитъ.
Онъ имѣлъ ужасный видъ:
Голова—гора большая,
Съ обнаженною вершиной,
Скажемъ правду, не скрывая—
Съ преогромною плѣшиной,
Вся кругомъ—версты четыре;
Лобъ, ну, съ версту, даже шире;

Вкось и впрямь изрыть онъ рвами;
Брови—два бугра съ садами;
Два огромнѣйшіе глаза
Освѣщало пламя газа;
Носъ—огромная скала,
Изъ ноздрей текла смола;
Зубы—мраморныя стѣны;
Съ губъ струились волны пѣны.
Но, что странно, у бѣсовъ
Бороды нѣтъ и усовъ.
Брюхо свисло, ноги долги
И предлинный сзади хвостъ,
Какъ близъ Сызрани на Волгѣ
Преогромно-длинный мостъ.

VIII.

Сатана поднялся съ трона,
Грономъ грянулъ на бѣсенка:
Раскатилось эхо звонко,
Точно выстрѣлъ батальона.
Бѣсъ вертѣлся и кривлялся,
Лгалъ и въ правду извинялся:

Бѣсъ.

„Виновать“ твой рабъ—бѣсенокъ,
Глупъ я точно какъ ребенокъ.

Замечтался

И заврался.

Вѣрь покорнѣйшему сыну,

Вѣрь, что это только шутки.“

Сатаха.

„Изъ-за этихъ дерзкихъ штукъ
Ѣшь-ка горькую осину
Да чрезъ сорокъ девять сутокъ
Пей двѣ кружки керосину—
Чтобы вѣрность доказать
И вину свою загладить
Да впередъ еще не гадить...“

Бѣсъ.

„Демонъ въ демонахъ великій!
Я имѣю нравъ не дикій...
—Чѣмъ я самъ себя прославлю,
Тѣмъ тебѣ же честь доставлю:
И—хотя я не пророкъ,
Но повѣрь—въ кратчайшій срокъ.“

Сатаха.

„Извиненій не приѣмлю
И мольбѣ твоей не внемлю.
Чтобы вѣрность доказать
И вину свою загладить,
Ты лети тотчасъ на землю
И твори тамъ все плохое,
Да плохое дѣлай вдвое.
Подними-ка кутерьму—
Безпорядки, мятежи.
Слышишь?—ревность докажи!
А не то—на вѣкъ въ тюрьму.“

Велика твоя вина!—
Повторяю, чтобъ худое
Было худо вдвое, втрое.“

Бѣсѣ.

—„Такъ, державный сатана!
Слу... слу... слушаю, державный.“

Сатана.

—„Тсс! ни слова—прочь отсюда.
Сатана тебѣ не равный.
Прочь!—спѣши и дѣлай худо.“
Демонъ въ страхѣ удалился
И на сей землѣ явился.

IX.

Демонъ думаетъ—гадаетъ,
Днемъ скучаетъ и страдаетъ,
Ночью плачетъ и рыдаетъ.
Онъ, несчастненькій, не знаетъ,
Какъ исполнить ту задачу.
—„Дай рѣшусь я наудачу
Поискать на всей землѣ,
И при свѣтѣ, и во мглѣ,
Человѣка, чтобъ помогъ...“
Такъ сказалъ и припустился,
Не жалѣя ногъ и рогъ...
Точно заяцъ отъ собаки,
Черезъ рвы и буераки,

Чрезъ поля и чрезъ лѣса.
Вотъ на Пасху, въ два часа,
Онъ примчался на поляну.
Гдѣ нашель онъ ту поляну,
Я рассказывать не стану.

Х.

На полянѣ старый домъ,
Въ родѣ княжескихъ хоромъ;
Съ боку, къ югу, три окна
Да вверху еще оконце.
Прямо въ окна свѣтитъ солнце.
На окнѣ лежитъ „Нана,“
Что въ Парижѣ издана.
Солнце ярко освѣщаетъ,
Демонъ смотритъ—замѣчаетъ...
Видитъ, въ комнатѣ той баринъ,
Не еврей и не татаринъ,
А нѣтъ въ комнатѣ иконъ.
Баринъ въ думу погрузился,
Что-то думаетъ, да пишетъ.
Демонъ видитъ, демонъ слышитъ,
Мысли всѣ въ душѣ читаетъ
И отъ радости сердечной
Только руки потираетъ,
И жужжить вокругъ хоромъ,
Какъ жужжить сверчокъ запечный.

ХІ.

— „Не знакомъ мнѣ этотъ домъ,
Ну, а баринъ самъ знакомъ.

Но одно меня смутило,—
Прежде баринъ былъ кутила
И подъ-часъ „писалъ мыслѣте,“
А теперь онъ пишетъ книги.
Чтожь? видалъ я все на свѣтѣ.
Вонъ гусаръ ходилъ въ корсетѣ,
А теперь надѣлъ вериги.
И лихой онъ былъ гусаръ,
Но теперь—немножко старъ...
Да такихъ примѣровъ много;
Такъ судить не будемъ строго.
Пишетъ баринъ бойко, складно,
Пишетъ слогомъ мастерскимъ,
И читать его отрадно...
Повидаться бы мнѣ съ нимъ:
Намъ такой писатель къ масти,
Кто воспитанъ былъ не строго,
Въ комъ наружу рвутся страсти,
Въ комъ нѣтъ твердой вѣры въ Бога.
Не легка моя задача—
Бунтъ поднять во всей странѣ:
Не поможетъ ли онъ мнѣ.
Охъ, усталъ я, точно кляча.
Ротъ разинулъ отъ дороги.
Охъ, едва таскаю ноги...
Охъ, къ нему—навѣрно приметъ
И усадить въ кабинетъ“...

XII.

—Нѣтъ,
—Нѣтъ, ошибся бѣсъ жестоко.
„Баринъ дома, но сверхъ срока:

Ждетъ давно его въ Парижѣ
Нашъ извѣстнѣйшій писатель
И „парижскій завсегдатель.“
„Баринъ съ нимъ кутилъ въ Парижѣ,“
Такъ болтали всѣмъ прислуги
И—болтая—были рады.
—„Ладно, баринъ, погоди-же
Ладно, бѣсъ сказалъ съ досады,—
Я дождусь твоей услуги...“

XIII.

Баринъ демона не ждалъ;
Онъ во Францію скакалъ,
Тамъ и деньги проживалъ.
Что же? тамъ народъ свободный,
Въ той странѣ порядокъ модный:
Тамъ Вольтеръ, Золя, Ренанъ
Осмѣяли христіанъ.
Но во Франціи свобода
Перемѣнчива, какъ мода,
И капризна, какъ погода.
Есть тамъ партій разныхъ типы
Есть и разные принципы,
Сегодня эти, завтра тѣ;
Egalité, fraternité
И пресловутый liberté,
А самый главный decolté.
Тамъ открыты всѣмъ уста.
Тамъ толпа съ министромъ Комбомъ,
Съ политическимъ апломбомъ,
По наукѣ иль спроста,

Но подъ знаменемъ „свободы“
И во вкусъ культурной моды
Исповѣдниковъ Христа
Гонятъ нагло, безъ зазора,
Гонятъ всѣхъ безъ разговора,
Не даютъ и слова имъ.

Таковъ режимъ,
Таковъ и тактъ.

А мы, смотря на этотъ фактъ,
Выводимъ заключеніе:
„Свобода есть стѣсненіе“...

XIV.

—Такъ, помчался баринъ скоро
Съ жаждой радости, простора.
Демонъ мчался вслѣдъ за нимъ.
Чувствомъ ревности гонимъ,
Тамъ на славу погуляютъ
Да и кое-что узнаютъ...
Какъ Христа безстыдно гонятъ,
Какъ о томъ въ газетахъ звонятъ...
Но доколѣ баринъ съ бѣсомъ
По какимъ-то интересамъ
Вояжируютъ въ Парижѣ,
Познакомимся поближе—
Кто былъ баринъ, какъ онъ жилъ,
Грубый онъ, иль очень милъ,
Что особенно любилъ,
Что особенно творилъ.
Намъ о томъ извѣстно мало,
Но мы пишемъ не для балла.

Книга вторая.

Знакомство.

I.

Баринъ нашъ давно родился.
Но разсказецъ сохранился,
Что о радости семейной
Весь уѣздъ оповѣстился,—
Всѣ родные и друзья.
А болтуня—попадья
Словомъ письменнымъ и устнымъ,
Съ чувствомъ радостнымъ, не грустнымъ,
Разнесла во всѣ края...
Радость шла во всѣ концы.
Съ этой радости отцы —
И родной „папа,“ и крестный
Даже „батюшка“ приходскій
(Человѣкъ онъ трезвый, честный,
Но любилъ „господскій домъ,“
И пивалъ онъ только въ немъ),—
Всѣ на радости подпили
И въ „метрическую книгу“
Актъ крестинъ внести забыли.

Плутъ-дьячекъ припряталъ „книгу“
Да и выдумалъ интригу—
Будто тотъ новорожденный
Такъ остался, некрещеный.
Вѣдь и выдумалъ же штуку!
Но сыгралъ онъ бѣсу въ руку.
Бѣсъ узналъ о томъ поздненько,
Но, провѣривъ хорошенько,
Утѣшалъ себя мечтой:
Не крещенъ, такъ будетъ мой.
Мнѣ онъ надобенъ порой.
Некрещеный—будетъ въ славѣ.
Мы на славу будемъ въ правѣ,
Первый я, а онъ второй.—

II.

Ну-съ

„Не крещеный“ иль „крестился“,
Я въ томъ правды не добился:
Многихъ спрашивалъ—не знаютъ,
Да и книги истребляютъ
Въ селахъ частые пожары.
Знаю, баринъ былъ воспитанъ,
Какъ воспитывались бары,
То у няней—у крестьянокъ,
То у разныхъ гувернантокъ;
А своя родная мать
Лишь учила танцовать;
За дѣтьми не наблюдала,
То сама все танцевала,
То все нянчилась съ „Амишкой.“

Росъ сынокъ „дурнымъ мальчишкой.“
Онъ учился и наукамъ,
Ну, а больше—разнымъ „штукамъ.“
Этимъ „штукамъ“ обучали
И за это деньги брали
Нанятая три дѣвицы,
Тоже „прыгать“ мастерицы,—
Гувернантки и пѣвицы:
Берта, Мэри и Лизеттъ—
По-французски, по-нѣмецки
Пѣли просто молодецки—
Пѣсню, арію, сонетъ.
А всему давалъ здѣсь тонъ
Словъ не русскихъ лексиконъ:
„Лифъ,“ „корсетъ,“ „корсажъ,“ „лорнетъ“
„Баль-базаръ,“ „спектакль,“ „балетъ“...

III.

А классическимъ языкамъ
Обучалъ семинаристъ.
Тоже былъ въ душѣ артистъ;
Но его прогнали съ крикомъ.
Бывъ „воспитанъ въ нравѣ дикомъ,“
Не игралъ онъ въ винтъ и вистъ,
Часто спорилъ съ гувернанткой
Да притомъ же парижанкой,
Проливалъ не рѣдко чай
(Впрочемъ, въ спорахъ, невзначай).
Разъ въ большой просакъ попался—
Въ папыцы на-отмашъ сморкался;
Былъ къ-тому же ростомъ дробень,

Словомъ, былъ онъ неудобень.
Зналъ свои онъ два предмета
И легко преподавалъ,
Но „мама“ сказала veto
И послѣдовалъ скандалъ.
— „Мосье“ — бурсакъ, кричитъ madame,
Бурсакъ учитель, это — срамъ!
— Das ist warhaftig вандализмъ!
C' est tres terrible seminarisme!
Кричали Берта и Лизеттъ.
И, поправляя свой лорнетъ,
„Мама“ имѣетъ важный видъ
И съ властной глупостью остритъ:
— „Отъ васъ такъ пахнетъ Костромой...

Кончайте классъ,

Оставьте насъ

И отправляйтесь домой.“

„— Не ведетъ себя въ студентъ,
Рюски свинь — безъ комплементъ,
Въ униссонъ визжала Мэри.

Нашъ „мосье“ въ одинъ моментъ
Отступилъ съ конфузомъ къ двери.

Да, гдѣ Берта и Лизеттъ
И притомъ въ семнадцать лѣтъ,

Тамъ въ умѣ иной „предметъ.“

Это рано понялъ баринъ

И „мама“ былъ благодарень.

IV.

Былъ нашъ баринъ рослый, плотный,
Но примѣрно беззаботный;

Изъ зажиточныхъ дворянъ,
Тысячъ пять имѣлъ крестьянъ;
Былъ онъ юнъ и вѣчно пьянъ.
Билъ несчастныхъ губернантокъ,
Деньги тратилъ на цыганокъ
И проигрывалъ въ картишки;
Велъ любовныя интрижки;
Былъ студентомъ—бросилъ книжки
Ради „Стрѣльны,“ „Эльдорадо“...
Но подробностей не надо.

V.

Нѣтъ, намъ вотъ что любопытно:
Какъ въ Парижѣ жилъ нашъ баринъ?
Какъ знакомился съ нимъ демонъ?
—„Жилъ въ Парижѣ онъ не скрытно,
Такъ сказалъ намъ князь Тугаринъ, —
Ѣздилъ въ „оперу,“ въ „театръ“
En trois или en quatre.
Посѣщалъ salons, jardins.
Видѣлъ домъ madame Гаданъ,
—Мѣсто всяческихъ „гостей“
И всемірныхъ новостей,—
Гдѣ художники, артисты,
Дѣвы-„дивы,“ беллетристы
И министры разныхъ странъ,
И monsieur le Président

Интригуютъ,
Критикують,
Протестуютъ
И—кейфуютъ.

Онъ бывалъ и въ томъ салонѣ,

Что во франко-русскомъ тонѣ.
И „раздѣлывалъ онъ штучки“!—
Цѣловалъ онъ страстно ручки
У мадамъ де Рикардо
И, цѣня ея объятъ,
Подарилъ онъ ей два платья
Цвѣта краснаго—„бордо;“
Преподнесъ „колье“ да „бусы,“
Все—на сумму тысячъ пять.

Рикардо цѣнила вкусы,
Рикардо умѣла брать.—

Правды я отъ васъ не скрою.
Той парижскою порою
Я узналъ отъ земляка
И притомъ отъ туляка,
Что въ „Парижѣ кутятъ лихо,“
А при „лихости“ такой
Льется золото рѣкой:

Наживается купчиха,
Наживается портниха,—

Обираютъ всей рукой.
La parisienne est parisienne!
Въ ней причина, что хозяйство
Часто терпитъ крахъ, изъянъ
И живетъ на попрошайство.

Les parisiennes sont parisiennes!—
Очень хитры, очень тонки.
Жаль, что все на нихъ идетъ—
И дворянскія деньжонки,
И мужицкій грязный потъ.
Но—во Франціи свобода!—
Баринъ „вольничалъ“ съ полгода.

VI.

Демонъ жилъ въ парижскомъ „моргѣ“,
 Но все видѣлъ—не дремалъ:
 Былъ отъ барина въ восторгѣ,—
 Зорко случая искалъ,
 Какъ явиться къ вояжеру
 И притомъ—въ какую пору.
 Вотъ, въ томъ книжномъ магазинѣ,
 Гдѣ мадамъ была знакома,
 Демонъ видитъ, что въ витринѣ
 Есть три новенькіе тома
 Джоржа, Штрауса, Ренана.
 Вставъ поутру, но не рано,
 Онъ помчался съ предложеніемъ—
 Не угодно-ли „съ почтеніемъ“
 Всѣ тѣ томы пріобрѣсть.“
 Видитъ баринъ,—цѣнитъ честь.
 Бѣсъ—съ сюрпризомъ: двѣ картины,
 Что-то въ родѣ голой „Фрины.“
 Баринъ цѣнитъ ту услугу,
 Бѣсу руку жметъ, какъ другу.
 Демонъ дѣлаетъ знакомство,
 Восхваляетъ дѣло службы,
 Восхваляетъ честность дружбы,
 Проклинаетъ вѣроломство.

VII.

Усвояя много мнѣній
 Изъ „поднесенныхъ твореній“,
 Баринъ вовсе развратился,—
 Онъ какъ будто не крестился.
 Разъ, придя въ одинъ салонъ,

Такъ повелъ бесѣду онъ:
„Фетишизмъ и христіанство,
Сабейзмъ, магометанство,
Все-равно: на нашъ критерій,
Это—область суевѣрій.
Знай себя, люби другого,
Не суди злодѣя злого,
И—религія готова.“
Вотъ какъ сказка говорится;
Вотъ какъ „новый путь“ творится.
Да, но это все не ново:
Это видимъ у Толстого,
Тоже видимъ у иного.

VIII.

Ужъ писать, такъ не картавить,—
Мы должны кой-что прибавить.
Бѣсы всѣ не прочь отъ лести,
Но мы бѣса не прославимъ;
Все-же вамъ его представимъ
Ради такта, ради чести,
Чтобы не было упрека
Чтобы не было намека,
Будто мы молчимъ изъ мести.
Есть мыслители на свѣтѣ,
Кои зла не порицають,
Нѣтъ, злодѣямъ потакають:
Какъ-бы намъ не быть въ отвѣтъ...
Демонъ нашъ отнюдь не страшенъ
И природой не украшенъ.
Станъ прямой и не высокій,
Лобъ крутой, а носъ широкій,

И одинъ остался глазъ
(Отъ „лихихъ“ ночныхъ проказъ...);
Ходить какъ-то онъ въ-припрыжку,—
Повредилъ въ борьбѣ ладыжку.
Весь покрытъ онъ кожей тонкой,
Какъ аптекарской клеенкой,
И затянутъ былъ въ трико
Въ стилъ—новомъ „рококо.“
Плотно, прочно, крѣпко, сжато;
Но одѣтъ былъ не богато.
Послѣ Пасхи, въ день „дешевки“
Онъ купилъ себѣ обновки:
Первымъ долгомъ—черный фракъ,
Изъ дешевыхъ фраковъ—бракъ;
А затѣмъ—двѣ разныхъ шляпы
И въ перчатки спряталъ лапы,
Грудь украсилъ „краснымъ“ бантомъ;
Словомъ, выглялѣлъ онъ франтомъ
И довольно былъ развязенъ.
Демонъ будто черенъ, грязенъ,
Утверждали парижане,
Будто вовсе не былъ въ банѣ,
Будто даже плащъ пропилъ
И безъ верхней-де одежды...
Ахъ, какіе же невѣжды!
Плащъ онъ вовсе не купилъ,
Оттого что денегъ мало
И на столъ ихъ не хватало:
Нужно было на осину
Да на дозу керосину,
А въ Парижѣ дорогъ лѣсъ,
Вотъ и бѣдствовалъ нашъ бѣсъ.

IX.

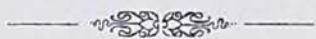
Отъ одежды бѣсъ отвыкнулъ,
 Но, во франта драпируясь
 И собой теперь любуясь
 И отъ радости волнуясь,
 Онъ восторженно воскликнулъ:
 „Платье дѣлаетъ фигуру!—
 Впрочемъ, бѣсъ мѣняетъ шкуру,
 Но не адскую натуру...“
 Подружившись, баринъ съ бѣсомъ
 Ѣздить ночью, ходятъ днями
 Елисейскими полями,
 А не то—Булонскимъ лѣсомъ,
 Ѣздить разными путями;
 Посѣтили и Notre Dame,
 Но не долго были тамъ.
 —„А поѣдемъ въ Сенъ-Дени?
 Съ любопытствомъ бѣсъ замѣтилъ.
 —„Нѣтъ ужь, демонъ, извини,“
 Хладнокровно другъ отвѣтилъ.
 Жизнью баринъ былъ доволенъ.
 Правда, былъ немножко боленъ,
 Но онъ скоро излѣчился,
 Даже взялся за работу:
 То писалъ, а то учился;
 Утромъ въ каждую субботу
 Посѣщалъ College de France
 И предъ лекторомъ Ренаномъ
 Дѣлалъ скромный reverence.
 Но, сказать вамъ по секрету:
 Посѣщалъ онъ школу эту

Двадцать два учебныхъ дня.
И, со школой разставаясь,
Онъ сказалъ, не притворяясь:
„Намъ наука не родня.“
А въ передней одѣваясь,
Онъ сказалъ, но—озираясь—
„Школа, это—западня.“ —
А въ Парижѣ жизнь привольна
И разстаться съ нею больно.
Но разстаться было нужно,
И друзья разстались дружно:
Демонъ даже цѣловался,
Въ этомъ баринъ самъ признался.

IX.

Ѣхалъ баринъ во-свояси,
Но въ иномъ немножко фасъ:
Ѣхалъ съ бурной головою
Да и съ лысиной большою.
Онъ, стѣсняясь наготою,
Прозапась купилъ парикъ.
— „Вы молоденькій старикъ,“
Такъ шутили гувернантки;
„Вашъ парикъ не съ парижанки?“
Такъ дѣвицы издѣвались,
Но, въ чемъ суть, не догадались.
Нѣтъ, нашъ баринъ облысѣлъ
Отъ парижскихъ славныхъ дѣлъ.
Онъ въ Парижѣ взялъ парикъ,
А въ душѣ нашъ русскій баринъ
Былъ, какъ прежде, „крѣпостникъ.“

Книга третья.

Обольщеніе.

I.

—Дома.

Сладко спится отъ дороги,
Но все грезятся „итоги:“
Что же стоили визиты,
Всѣ модистки, кутежи?
По подсчету—очень много!—
И пришлось продать два стога
Да еще и два скирда
Самой лучшей, чистой ржи.
Не скирды то были—горы.
Но злодѣи—кредиторы
За скирды держались цѣпко
И въ цѣнѣ стояли крѣпко.
—„Тѣфу-ты, пропасть, Рикарда!
Сѣбла цѣлыхъ два скирда!“
Стонетъ староста Пахомычъ.
„Чтожь?—берите, Богъ на помощь...“
И скирды свозились тихо.
Баринъ „съ горя выпилъ лихо“

И отчаянно былъ пьянъ.
Быть ему на томъ-бы свѣтѣ,
Но, свалившись на диванъ,
Крѣпко спалъ онъ въ кабинетѣ;
А лакей, старикъ Иванъ
(—Крѣпостной, былъ битъ и дранъ...)
Только ноги поправлялъ.
Да все тазикъ подставлялъ.
Сномъ себя онъ баловалъ
Лишь „къ двѣнадцати“ вставалъ.
Одѣвался въ шелкъ и пухъ;
Ограждалъ себя отъ мухъ.
Но, увь!—во весь свой духъ
Прокричалъ злодѣй-пѣтухъ.
Легкій чувствуя испугъ,
Баринъ медленно проснулся,
Долго нѣжилъ, тянулся,
То икая, то краснѣя;
Звалъ зачѣмъ-то и лакея;
Но, къ дивану тяготѣя,
Снова тяжело засопѣлъ.
Снова разъ пѣтухъ пропѣлъ.

II.

Вставши рано и съ похмѣлья
Проглотивъ двѣ рюмки зелья,
Баринъ, зло разсвирѣпѣвъ,
Зарычалъ, какъ ярый левъ;
—„Эй, вы, слуги! гдѣ вы, слуги?“
Слуги прятались въ испугѣ...
Но пришелъ Иванъ смѣльчакъ
И повелъ бесѣду такъ:

Иванъ.

—Баринъ, больше мы не слуги,
Дѣло вотъ какого рода...
Намъ уже дана свобода.
Пачпортъ просимъ у супруги.

Баринъ.

—Какъ? свобода для крестьянъ?
Ахъ, ты подлый! ахъ буянъ!
Какъ ты смѣлъ мнѣ говорить?

Иванъ.

—Я могу и повторить:
Ты, по царскому указу,
Пачпортъ намъ давай-ка сразу...

Баринъ.

—Эхъ, однако, я заспался...
И напрасно взволновался.
Чтожь, сейчасъ и отпущу,
Но обиды не прощу,—
Будетъ случай—отомщу.

III.

И, придумывая „случай“,
Онъ казался грозной тучей.
Быль сердить, но тихо злился.
Тутъ-то демонъ и явился.

Барикъ.

—Кто ты? кто ты, гость незванный?
Русскій или иностранный?

Демокъ.

—Не чужой я и не мѣстный,
Но тебѣ давно извѣстный,
Всякихъ дѣлъ твоихъ свидѣтель,
Многократный благодѣтель.
Я ѣзжалъ съ тобой на тройкахъ,
Я участвовалъ въ попойкахъ.
Помню, какъ-то предъ разсвѣтомъ
Ѣхалъ ты съ однимъ корнетомъ,
Ѣхалъ ты къ какой-то дамѣ;
Тутъ и я былъ вмѣстѣ съ вами.
Я повѣренный—свидѣтель
Всѣхъ азартныхъ игръ и дракъ.
Вотъ еще на той недѣлѣ
Я съ тобой былъ на дуэли;
Выкупалъ тебѣ я фракъ,
Что съ полгода былъ въ залогъ;
Былъ съ тобою я въ дорогъ,
Ѣздилъ вмѣстѣ и за Нѣманъ...

Барикъ.

—„Вспомнилъ, знаю,—другъ мой, демонъ;
Хорошо, такъ что же скажешь?

Демокъ.

—Измѣнилъ я сатанѣ,—
Разонравился онъ мнѣ:

Всѣхъ онъ очень унижаетъ,
Правъ чужихъ не уважаетъ.
По какому это праву
Онъ беретъ себѣ всю славу,
Будто все ему покорно?
Это глупо, это вздорно!
Нѣтъ, мы—демоны упорны,—
Мы себѣ самимъ покорны.
Будетъ онъ о мнѣ тужить!—
Я хочу съ тобою жить,
Я хочу тѣбѣ служить.
Вспомни нашу жизнь въ Парижѣ
И прими меня, прими-же...

IV.

Барихъ.

—Очень кстати.
Знаешь-ли, у нашей знати,
Ну, у всѣхъ у насъ дворянъ
Какъ-то отняли крестьянъ.
Вотъ сегодня я былъ пьянъ
И позвалъ къ себѣ лакея.
Этотъ, страху не имѣя,
Отвѣчалъ мнѣ очень дерзко.
Видишь, жить мнѣ стало мерзко.

Демонъ.

—Вижу. Что-жъ?—слуга покорный.
Я готовъ тебѣ служить.

Мы въ Парижѣ жили дружно.
Говори-же, другъ, что нужно?

Баринъ.

—Нужно?.. денегъ нужно много,
Нужно власти, нужно славы,
Нужны игры и забавы.
Я привыкъ къ тому изъ-дѣтства.
А на это нужны средства.

Демонъ.

—Все добудемъ—не скучай,
Не печалься, не серчай.
Будемъ близки другъ ко другу.
Но—„услуга за услугу.“
Хочешь денегъ—будутъ деньги;
Будемъ жить съ тобой богато
И рѣкой польется злато,
Только будетъ-ли, гдѣ класть.
А потомъ получишь власть,
А затѣмъ придетъ и слава.

Баринъ.

—Да?
Ну, браво, демонъ, браво.
Только прежде пусть ужь слава...

V.

Демонъ.

—Вѣрь, я другъ твой неизмѣнный.
Расхваляю тебя по свѣту.

И—сказать-ли по секрету?—
Будешь идоломъ вселенной,
Будутъ чтить во всѣхъ странахъ,
На моряхъ и островахъ,—
И въ Иркутскѣ, и въ Нью-Йоркѣ,
И въ Калькуттѣ, и въ Монако
И вездѣ—во всякой норкѣ.

Барихъ.

—Но, послушай бѣсъ, однако;
Да за чтожь такая честь?

Демонъ.

—Ты поймешь, когда разсудишь.
Правдой денегъ не добудешь,
Правдой власти не возьмешь,
Правдой къ славѣ не пройдеши.

Барихъ.

—Такъ-ли, демонъ? ты не лжешь?
Гдѣ же средства къ чести, къ славѣ?

Демонъ.

—Знаю, ты талантъ имѣешь;
Знаю, ты писать умѣешь;
Пишешь складно и красиво,
А творишь—такъ всѣмъ на диво:
Подъ твоимъ игривымъ словомъ

Ложь и та сойdetъ за правду,
Взглядъ старинный будетъ новымъ.

Барихъ.

—Мнѣ желательно сенсацій,
Мнѣ желательно овацій.

Демонъ.

—Чтожь?—побольше смѣлыхъ мыслей
Да побольше громкихъ словъ,
Да побольше декорацій,
И восторгъ толпы готовъ.
Книгъ ученыхъ очень много;
Брать изъ книгъ, конечно, можно,
Но, конечно, осторожно.
Взялъ пятокъ чужихъ идей
Да развилъ ихъ въ пять статей,
И торгуй, и богатѣй,
Вмѣстѣ съ тѣмъ и прославляйся.

VI.

Барихъ.

—А скажи мнѣ, бѣсъ, признайся:
Вѣдь чужое брать опасно?

Демонъ.

—Вотъ прекрасно!—
Что чужое, что твое,
Разбери, кому досужно:

И не всякому-то нужно.
Ну, а если придерутся, —
Пункты спорные найдутся...
Вотъ, примѣрно, Кантъ и Локкъ.
Изъ-за нихъ былъ споръ жестокъ:
Можетъ быть, и Локкъ хозяинъ,
Можетъ быть, и Кантъ былъ воръ...
И сейчасъ не конченъ споръ.
Много есть на свѣтѣ тайнъ! —
А доколѣ разберутся,
Книги всѣ и продадутся.
Тамъ изданіе второе;
А за нимъ и славы вдвое.
А въ изданіи второмъ
Ты укрась свой первый томъ
Орнаментомъ и портретомъ.
Не забудь еще при этомъ
Подѣлиться гонораромъ
То съ журналомъ, то съ газеткой,
Кой-кому дай книги даромъ.
Всѣ тебя расхвалятъ съ жаромъ, —
Кто критической замѣткой,
Кто обширнѣйшимъ разборомъ;
Скажутъ: вотъ писатель рѣдкій,
Вотъ мыслитель не бывалый,
Вотъ художникъ первоклассный;
Скажутъ: отзывъ безпристрастный, —
Да, писатель тотъ прекрасный.
Ну, а стоитъ лишь начать,
Тамъ пойдутъ вездѣ кричать, —
Земство скажетъ: „нашъ учитель,“
Хоръ студентовъ — „просвѣтитель,“

Всѣ актрисы—„идеальный“,
Дамы mond'a—„геніальный“! —
Смотришь, къ третьему годочку
По рублю обгонимъ строчку.

VII.

Барихъ.

—Но что писать и какъ писать?
И чѣмъ особенно заняться?
И какъ за дѣло нужно взяться?

Демокъ.

—Хочешь славы—такъ пиши:
То ругайся, то смѣши.
Но бери повыше вещи
Да громи ты ихъ похлеще.
Все офыркаемъ, оплюемъ,
Вкось и вкривь перетолкуемъ,
Ничего не пощадимъ.
И, повѣрь, что поторгуемъ:
Издадимъ и продадимъ,
Продадимъ и издадимъ.
Это будетъ очень мило.
Понимаешь, въ чемъ тутъ сила?

Барихъ.

—И понятно,
И пріятно.

Демонъ.

—Будемъ прямо богачами.
Только—это между нами—
Нашъ девизъ:
„Валяй все внизъ!—
Все ломай и сокрушай,
И никто намъ не мѣшай!“—

Барикъ.

—Демонъ, глупость не внушай.

Демонъ.

—Безусловно—разрушенъе,
А въ религіи—сомнѣнъе.
Больше каверзныхъ идей!
Настращаешь глупый людъ
И что хочешь дѣлай тутъ,
Хоть изъ нихъ веревки вей.
Ха-ха-ха!.. ей-ей! ей-ей!...
Помнишь Фаустъ какъ шутилъ:
„Философію съ правами,
Медицину изучилъ...“
И все вздоромъ объявилъ.

Барикъ.

—Да, но это всѣмъ извѣстно.
Такъ заимствовать не честно:
Плагиаторъ, скажутъ, воръ...

Демонъ.

—Нѣтъ, повѣрь мнѣ, это—вздоръ.
Порицай и издѣвайся:
Философскія науки,
Это де—источникъ скуки;
Богословіе и право—
Не трактуютъ жизни здраво...
Посмотри заговорятъ.

Барихъ.

— Да, но это очень смѣло?—

Демонъ.

—Да, но въ этомъ-то и дѣло.
Все, что смѣло, будетъ ново.
И „повѣтріе“ готово,
И въ народѣ—не здорово...

VIII.

Барихъ.

—Такъ.

А вскроютъ фальшь мою?

Демонъ.

—Говори: не признаю.
И строчи себѣ, строчи...
А на критику молчи.—

Барихъ.

—Да?

Но вѣдь есть большія силы:
Напримѣръ, „славянофилы“?
Есть у нихъ большіе „доки“,
Основательны, глубоки.
На Плющихѣ и на Мойкѣ
Равно тверды, равно стойки.

Демокъ.

—Вотъ тебѣ, мой другъ, урокъ:
Ты оставь „славянофиловъ“
И хвали-ка „богомиловъ“;
Будешь ты у нихъ пророкъ.
Славу надобно беречь.
Будь ты мнѣ и другъ и братъ.

Барихъ.

—Такъ о чемъ же дальше рѣчь?
Я съ тобой работать радъ.

IX.

Демокъ.

—Такъ пиши себѣ, печатай.
Будешь баловень богатый.
Но запомни, помни твердо:
Относись ты къ людямъ гордо,

Ни предъ кѣмъ не преклоняйся.
Не робѣй, не извиняйся.
Вотъ и скажутъ: „эка сила!“

Барихъ.

—Понялъ, понялъ, это мило.

Демонъ.

—А пиши толпѣ въ угоду,—
Проповѣдуй всѣмъ свободу,
Извиняй плохіе нравы,
Не стѣсняй порывовъ страсти.
Въ этомъ сила нашей власти
И залогъ великой славы.

Барихъ.

— Демонъ, ты меня обманешь,
Помогать мнѣ перестанешь.

Демонъ.

—Нѣтъ!

—„Пусть меня накажетъ Богъ,
Пусть лишусь я рогъ и ногъ!...—“
Такъ... нашъ демонъ проболтался:
Правда, кто разсмотритъ строго,
Тотъ замѣтитъ и два рога.

Х.

Скрылся демонъ за горою.
Баринъ былъ объять мечтою,—
Былъ въ восторгѣ, очарованъ,
Весъ какъ будто заколдованъ:
Закипѣла въ жилахъ кровь,
Въ сердцѣ вспыхнула любовь;
Губы, щеки заалѣли,
Сжалась судорожно бровь,
Даже ноздри запотѣли.

Книга четвертая.

С л а в а.

I.

—Лѣтній вечеръ.

Лѣсъ затихъ. Замолкли птицы.

Тамъ вдали блещуть зарницы.

Надвигается гроза.

Слышенъ громъ—вдали раскаты...

Вонъ съ полей спѣшатъ воза.

Населились риги, хаты.

Всюду множество ребятъ.

— „Донъ-донъ-донъ“!... звонять „набатъ.“

О, несчастіе!—пожаръ...

Кто-то ставилъ самоваръ:

Мигомъ вспыхнула избенка

И сгорѣла... безъ остатка.

Дворъ сгорѣлъ и два просенка.

Угрожало пламя ригамъ

И двумъ маленькимъ трактирамъ;

Но пожаръ тушили „міромъ,“

И погасло пламя мигомъ.

Здѣсь жила вдова солдатка

Со своимъ „Гаврюхой“—сыномъ
Да съ его мальчишкой Мишкой.
Мать кричала: „нѣтъ ребенка.“
Но и Мишку разыскали
Гдѣ-то въ ямѣ за овиномъ.
—„Ну, ребята, честь — хвала!“
Такъ трактирщики кричали
И, поставивъ два стола,
Водкой вдоволь угощали
И до-пьяна „накачали“...
Чтожь?—работа не мала:
Два трактира „отстояли.“
Вонъ тащится вдоль села
На не мазаной телѣгѣ
„Пронька“—нищій и калѣка.
Нищій проситъ о ночлегѣ.
Чтожь? не бросятъ человѣка.
Тамъ, покрикивая брату,
Побѣжалъ мальчишка въ хату.
„Жучка“ бѣгаетъ въ-припрыжку,
Котъ „Барсукъ,“ учуя мышку,
Сѣлъ на-сторожѣ за кадку.
Дѣдъ Миронъ поитъ лошадку.
А старушка Пелагея,
Предъ грозой благоговѣя,
Позатеплила лампадку.

II.

Льются молніи—зигзаги
Освѣщаютъ лѣсъ, овраги.
Озаряютъ сельскій храмъ.

Всѣ усѣлись по домамъ.
Но, какая-то мадамъ,
Впрочемъ, кажется, курсистка
Да съ какимъ-то праздношляемъ,
Какъ фамилія—не знаемъ,—
Ради знаній—де и славы,
Собирають въ полѣ травы.
Травы вяжутъ, сушатъ, мочатъ,
И въ музей какой-то прочатъ,
О наукѣ-де хлопчутъ,—
И въ грозу идутъ—хохочутъ,—
Въ знакъ науки и отваги;
А въ рукахъ—листки бумаги,
Все печатные листочки.
Что въ листочкахъ?—точки—точки...
Чу!—карета, двѣ коляски,
А за ними кавалькада:
Мчатся духомъ, безъ острастки.
Видно, имъ скорѣй всѣхъ надо...
То отнюдь не хулиганы,
Это гости изъ „поляны“,
Что отсюда въ трехъ верстахъ.
Такъ въ грозу ихъ гонить страхъ.
Чу! вскричала гдѣ-то утка,
Простонала гдѣ-то дудка,
Загудѣлъ сосновый лѣсъ.
На „полянѣ“ стало жутко.
Тамъ шнырялъ „пріятель“—бѣсъ.
—Что-жь тамъ бѣсу интересно?
Но кому-же не извѣстно,—
Бѣсъ вѣдь молніи боится

И отъ ней желаетъ скрыться.
Онъ не то, что нашъ солдатъ:
Тотъ служить готовъ и радъ
И въ грозу и въ непогоду,
Словомъ, въ огонь пойдетъ и въ воду...

III.

Бѣсъ слышалъ крѣпкій громъ
И юлитъ вблизи хоромъ,
И вертится на „полянѣ.“
Вспомнилъ бѣсъ и объ „Иванѣ.“
Входитъ—проситъ: „доложите.“
Баринъ радъ, кричитъ: „зовите.“

Баринъ.

—Другъ, садись-ка на диванъ
Да скажи мнѣ откровенно:
Ты, вѣдь, ввелъ меня въ обманъ,
Что для друга не почтенно.
Ты сулилъ богатство, славу;
Насказалъ, а самъ и скрылся?—
(Бѣсъ немножечко смутился).
Хоть у насъ среди лѣсовъ
И не ловятъ всѣхъ бѣсовъ,
Ну, а я было рѣшился
На тебя послать облаву:
Нарядить всѣхъ конныхъ, пѣшихъ
И ловить такихъ вотъ лѣшихъ.

Демонъ.

— Не страши меня такъ властно,
Не карай и мѣрой строгой;
Нѣтъ, послушай безпристрастно:
Я задержанъ былъ дорогой.

Да, къ тому же и гроза.
Какъ страшатъ меня зарницы!
Ахъ, какъ страшны небеса!
Но... безстрашны есть дѣвицы.

Видѣлъ я гуляетъ въ полѣ—
Не поповна и не жница,
Собираетъ будто траву,
Но толкуетъ все о „волѣ“;
Съ ней какой-то франтъ косматый;
Онъ не холостъ—не женатый.
Вотъ на этихъ-бы облаву...

Барихъ.

— Я видалъ такихъ въ Парижѣ.

Демонъ.

— Эти, думаю, поближе.

Барихъ.

— Да? ну, какъ-же наше дѣло?

Демонъ.

— Начинай теперь-же смѣло.

Отправляйся-ка въ народъ,
Да побудь съ нимъ этакъ съ-годъ.

Барихъ.

—Да?—но собственно къ кому же?
Къ знатымъ, высшимъ и ученымъ?
Или такъ къ кому похуже?
Не начать-ли съ знатныхъ дамъ?
Есть рецептъ: *cherchez madames*.
Не помогутъ-ли намъ „ицки“?

Демонъ.

—Нѣтъ, иди-ка къ мужикамъ
Да орудуй по-мужицки,
И полюбятъ мужики.

Барихъ.

—Охъ, мнѣ это не съ-руки:
Я къ труду ихъ не привыкъ;
Не терплю ихъ брань и крикъ...

Демонъ.

—Ахъ, какъ нѣженъ—благороденъ!—
Ты трудиться—не трудись,
Только ино для прилику
По-мужицки нарядись.
Сдѣлай это непременно:
Мужиковъ вниманье цѣнно.

IV.

Принять демоновъ совѣтъ.

И—для вящаго юмора—

Баринъ дешево и скоро

По мужицки былъ одѣтъ:

У Никишки

Взялъ лаптишки;

У Парашки

Двѣ рубашки;

А у тетушки Варвары

Взялъ на время шаровары.

Въ декораціи такой

Былъ работникъ онъ прямой:

У Антошки

Пекъ картошки;

У Аксютки печку клалъ

И копейки съ ней не бралъ;

А для кумушки Арины

Посолилъ и солонины.

Смотрятъ знатные дворяне,

Смотрятъ умные крестьяне,

И всѣ—разомъ: „вотъ скандалъ!

Баринъ ходитъ шутъ-шутomъ“...

—„Бить-бы барина кнутомъ,

Говорила бабка Домна.

„Ты живи, молъ, баринъ, скромно,—

Знай, молъ, свой господскій домъ.

Съ мужикомъ ты не знакомъ,

Мужикамъ ты не указъ.

Вотъ тебѣ весь бабій сказъ.

Будешь такъ себя рядить,

Мы те будемъ больно бить.“
— „Бить“... сказали двѣ Марѹтки
И сказали не шутя
(Бабы всѣ къ обидамъ чутки).
— Точно глупое дитя
Шутки шутить онъ надъ нами
И смѣется надъ лаптями.
Вонъ и наши мужики
Нонче носятъ пиджаки,
Носятъ брюки въ сапогахъ,—
Сапоги на каблучкахъ“...
Такъ, узнавъ простой народъ,
Баринъ „далъ обратный ходъ.“

V.

Снова баринъ не у дѣлъ;
Скученъ, точно овдовѣлъ.
Снова демонъ подоспѣлъ
И началъ такую рѣчь:
— „Твое перо—булатный мечъ,
Въ твоихъ словахъ—смертельный ядъ.
Мой долгъ тебя предостеречь,
Чтобъ ты былъ счастливъ во стократъ.
Садись за дѣло да-скорѣй,
Позорь народъ, ругай царей,
Мечтай-пиши, точай-строчи,
Перо-то ядомъ намочи...
Дѣлать зло—такъ дѣлай злѣе;
Только дѣлай поумнѣе.

VI.

Принять демона совѣтъ:

Издаются книги въ свѣтъ.
Баринъ съ демономъ дружатъ,
Баринъ съ демономъ торгуютъ,—
Деньги грабятъ—въ усъ не дуютъ;
Вмѣстѣ думаютъ, читаютъ,
Вырѣзаютъ, отмѣчаютъ
И печатаютъ поспѣшно—
Въ годъ по тому, по два тома.
Продаютъ не мало дома,
Но сбываютъ и за море.
Баринъ здѣсь и тамъ въ фаворѣ.
Раскупаютъ книжки быстро.
Развиваютъ книжный спортъ,
Развиваютъ и экспортъ...
Всѣ везутъ изъ-за границы—
Изъ Парижа, да изъ Ниццы,
Подъ особеннымъ секретомъ:
Кто везетъ ихъ за желетомъ,
Кто подъ платьемъ, подъ корсетомъ,
А иные—въ сапогахъ.
Страшенъ таможенный страхъ!—

VII.

Напечатавъ книгъ тѣхъ груду,
Увлекаютъ всѣхъ повсюду,—
Всѣхъ не признанныхъ артистовъ,
Исключенныхъ гимназистовъ,
Сверхъ-ученыхъ, ех-студентовъ,
Всевозможныхъ декадентовъ,
Всѣхъ красавицъ „полу-свѣта“,
Всѣхъ „живущихъ безъ запрета“...

Всѣхъ шикарнѣйшихъ модистокъ,
Попровѣтренныхъ курсистокъ,
Многихъ дѣвушекъ-вертушекъ,
Размалеванныхъ старушекъ,
Всякихъ нищихъ-оборванцевъ,
Русскихъ, даже иностранцевъ,
Всѣхъ ошибочно влюбленныхъ,
Школой „переутомленныхъ“,
Всѣхъ наградой обойденныхъ
И отъ службы устраненныхъ.
Увлеклась и наша пресса
И Саксонская принцесса.

Всѣ читали—

Прославляли,

Изумлялись,

Покланялись,—

Кто въ женитьбѣ провалился,
Кто граждански оженился
И граждански овдовѣлъ,
Предсѣдатель не у дѣлъ,
Генералъ отъ кутежей,
Всѣ, кто бѣгалъ отъ мужей,
Всѣ соломенные вдовы,
Двоюродные мужья,
Кто бѣжалъ изъ-подъ ружья,
Кто спасался отъ „призыва“,
Въ комъ свила гнѣздо нажива,
Всѣ, кому не нужно время,
Жизнь кому—не радость—бремя,
Кто крестился въ „соціалку“,
Всѣ, кто пьянствуетъ въ повалку,
Кто отбился отъ карьеры

И въ отставку инженеры.
Всякихъ возрастовъ „саврасы“,
Всѣхъ оттѣнковъ ловеласы,
Сотни три хлыщей „Кречинскихъ“,
Сотни двѣ *madames* Скублинскихъ,
Всѣ насельники острога
И тому подобныхъ много.

Вотъ вамъ адѣпты лжеученій.

А вотъ и жертвы увлеченій.

VIII.

Двѣ начальницы гимназій,
Пообрѣзавъ русы косы,
Подъ вліяніемъ фантазій,
Теребили тѣ вопросы,
Какъ живутъ купцы, мѣщане,
Какъ должаютъ всѣ дворяне,
И что дѣлать нужно съ ними,
Съ должниками, молъ, такими,—
Какъ крестьянинъ пашетъ, сѣетъ,
Что онъ жнетъ, молотитъ, вѣетъ,
Что онъ въ закромѣ имѣетъ.—
Тѣ дамы слыли „козырными“
И надъ вопросами иными
Страстно думали—мечтали,
Всей душою были въ полѣ,
А за барышнями въ школѣ
Не довольно наблюдали...

IX.

Знаемъ также, но заочно,
Впрочемъ, знаемъ это точно,

Что иные такъ нарочно
Отправлялись въ ту поляну,
Гдѣ писалъ писатель сказки—
Кто подъ маской, кто безъ маски,
Кто попозже, кто порану:
Ѣдутъ графы и князья,
Ихъ родные и друзья;
Ѣдутъ ночью, Ѣдутъ днемъ,
Кто въ потемкахъ, кто съ огнемъ.
Даже попъ одинъ „наивный“,
Огорченный „мѣдной гривной“,
Шелъ по этимъ же стопамъ.
Не ходить-бы тамъ попамъ,
Не ходить по тѣмъ тропамъ,
Для поповъ вѣдь это—срамъ:
Ужь ходили-бы въ свой храмъ
И вѣщали „правду“ тамъ.
Нашъ „наивный“ попикъ-франтъ
Къ „красной лжи“ имѣлъ талантъ;
Для „пущей важности“ —порой
Блестѣлъ научной мишурой.
Этотъ батюшка—затѣйникъ
Лилъ зачѣмъ-то въ муравейникъ
Грязь и всякіе помои.
Муравейникъ жилъ, трудился,
Тамъ труду и попъ учился:
Но, попавъ въ иные слои,
Въ муравейникъ лилъ помои...
Все въ немъ рѣзко порицалъ,
А за что—и самъ не зналъ.
„Муравьи-де очень бѣдны,
Муравьи тѣ даже вредны“...

Фактъ не кажется намъ новымъ,—
Онъ подмѣченъ былъ Крыловымъ:
„Дѣдъ Крыловъ“ писалъ отлично
О животномъ грязно-грубомъ,
Какъ видалъ его подъ дубомъ...
Намъ не стать писать вторично.
Этотъ модный проповѣдникъ
(Онъ не Арія наслѣдникъ?...),
Ставь на дняхъ „героемъ дня“,
Бросилъ „требникъ“ и „минею“:
Я, молъ, клиру не родня,
Я не попъ Архіерею;
Мнѣ не нужны „звонъ-трезвонъ“,
„Аллилуія“, „Аминь“, —
Мой служебникъ—фельетонъ!
Я—„за рубликомъ въ погоню...“
И съ успѣхомъ фельетону:
Звучно? —слушайте: „динь-динь“...
Я, молъ, самъ себѣ глава,
Знаю самъ свои права;
Вотъ обузилъ рукава,
Вотъ обстригъ и косы въ скобку,
И разыгрываю „попку“,
И толку слова, слова...
А идеи всѣ чужія.
И пошла молва, молва...
По молвѣ, и я—витія! —
Такъ нашъ попикъ изъ поповъ,
По словамъ молвы Балтійской,
Сталъ пре-красный богословъ;
Въ переводѣ на російскій —
„Богословскій пустословъ.“

Онъ въ наукѣ диллетантъ,
Въ фельетонѣ пасквилянтъ.
Всѣмъ въ глаза онъ правду тычетъ,
А къ себѣ онъ славу кличетъ.

Но слава

Лукава:

Кто ее „зубами тянетъ“,
Къ тѣмъ она и не заглянетъ.

Х.

Но разстанемся съ попомъ,
Онъ достаточно знакомъ;
Мы вернемся къ книжкамъ лгальнымъ
Или—какъ ихъ?—либеральнымъ.
Возятъ книжки тѣ на дачу,
Возятъ даже на курортъ,
И торговля—„первый сортъ!“
Объ успѣхахъ я поплачу,
Но тѣхъ книжекъ авторъ радъ;
Онъ и въ славѣ, и—богатъ!—
Крикъ въ газетахъ—„слава! слава!“
Но, взглянувъ на книги здраво,
Чуютъ люди, въ книгахъ—ядъ,
Видятъ, книжки—не забава,—
Въ нихъ смертельная отрава.
А газетчикъ—„слава! слава!“
А журнальщикъ—„браво! браво!“—

Книга пятая.

Обличеніе.

I.

—Осень.

Въ селахъ мрачно; въ селахъ скучно.

Дома всѣ и—безотлучно.

Грязь да слякоть, темь да топь.

Дождикъ сыплеть, дождикъ бьетъ

И на стеклахъ потускнѣлыхъ

Всѣхъ домовъ осиротѣлыхъ

Отбиваетъ звонко дробь.

Вѣтеръ свищетъ—завываетъ;

Песъ „Палкашка“ грустно лааетъ.

На деревнѣ, въ крайней хатѣ,

Дѣдъ, забравшись на палати,

Цѣлый день лежитъ—страдаетъ:

Что-то ноетъ поясница.

А Лукерья мастерица

Ткетъ клѣтчатку на паневу.

Къ Рождеству сошьетъ обнову.

Дѣвки празднуютъ „засидки,“

Ленъ прядутъ, да сучать нитки.

Ноютъ пѣсни „посидѣлки.“
А ребенокъ въ колыбелкѣ
Поднимаетъ громкій крикъ.
Лапти чинитъ Климъ-старикъ.
Въ сѣняхъ „бабушка“ Маланья,
Взявъ тайкомъ двѣ „громныхъ стрѣлки;“
„Причитаетъ причитанья“...
Эти стрѣлки—не бездѣлки,—
„Бабка“ съ нихъ спускаетъ воду
И даетъ ее народу;
Говорятъ, что „помогаетъ“...
Бабка всѣ заклѣтья знаетъ:
И отъ глаза, и отъ бѣса,
Отъ пострѣла, отъ порѣза
И отъ знахаря лихого,
И отъ многого иного.
„Есть въ заклѣтіяхъ тѣхъ сила,“
Такъ призналъ кузнецъ Вавила.

II.

На пригоркѣ церковь-школа
Для дѣтей мужского пола.
Дѣло „батьюшка“ ведетъ;
Дѣло правильно идетъ;
Къ школѣ батьюшка прикованъ;
Жаль, не рѣдко онъ взволнованъ:
„Мать благая“—попадья
„Велику пріемлетъ власть;“
Мужъ ослабилъ поводья,
А жена сняла уздечку.
„Мать благая“ изъ „свободныхъ,“

Изъ красавицъ не природныхъ.
У „мамаши“ къ спорамъ страсть,—
Придирается къ словечку:
Такъ и лезетъ на ножи,—
Все ей „право докажи;“
Все скажи ей отъ науки.
Терпитъ „батюшка“ нашъ муки,
Но иной разъ отъ волненья
Онъ выходитъ изъ терпѣнья
И даетъ нравоученья.
— „Слушай, милый мой дружекъ,
Что стрижешься ты въ кружокъ?
Попадѣ не быть мужчиной“...
И прибавитъ съ горькой миной:
„Не птица въ птицѣхъ нетопырь
Не звѣрь въ звѣрѣхъ коза“...
— „Молчи, несчастная Псалтырь,
Чтобъ на языкъ тебѣ волдырь.
Молчи,— „подсвѣчникомъ въ глаза“...
Да я тебя... да я... да я...“
Кричитъ въ азартъ попадаья.
„Самъ“ тотчасъ потушитъ свѣчку
Да и спрячется за печку,
Изъ-за печки да наружу,—
Въ непогоду,—въ дождикъ, въ стужу;
А съ крыльца поидетъ по лужамъ.
„Мать благая“ въ слѣдъ за мужемъ.
— „Что? ушелъ, сверчокъ запечный?
А меня заперъ въ темницу?
Нынѣ такъ не держутъ птицу.
Ты скажи, мой „неудачный“,
Какъ ты долженъ жить съ женою—

Бить—ругать, по Домострою?
Я глаза тебѣ раскрою.
Теперь въ наукѣ взгляды иной:
Иначе нужно жить съ женой—
Не смѣй кричать, не смѣй дерзить.
Вотъ повернусь къ тебѣ спиной,
Тогда ищи меня—фить, фить!..
Не дамъ теперь и чаю пить.
Мой самоваръ, моя бадья...
Вотъ знай!—сказала попадья,
А попъ молчи, ни-ни, ни звука!
Вотъ вся тебѣ моя наука.“

Гремѣла громомъ „матушка“,
Какъ майская гроза;
Потупилъ взоры „батюшка“,
Ажъ брызнула слеза...

И пошла молва въ приходѣ
О „священникѣ побитомъ.“
Вздоръ! но нѣчто въ этомъ родѣ:
Проще—„демонъ былъ съ визитомъ.“
Но пожалѣемъ мы о мужѣ.
А впрочемъ, есть житье и хуже.
Тамъ проживаетъ „писарь“ Краховъ,
Артистъ для „росчерковъ“ — „размаховъ“
И мастеръ щелкать на щетахъ;
Для „сельскихъ неучей“ онъ „страхъ.“
Теперь онъ учитъ брата Степку.
Братъ Степка щелкаетъ и вретъ,
Братъ писарь за ухо деретъ;
Подъ-часъ даетъ онъ Степкѣ трепку.
Писарь Степку бьетъ примѣрно.
Степка учится прескверно,—

Слезы льются въ два ручья.
А не здѣсь-ли обучалась
„Мать благая“ — попадаья?...
Но — молчимъ, чтобъ не досталось:
Писарь Краховъ очень крутъ.
Не всѣ, однако, такъ живутъ.

III.

Ну вотъ хоть Климычъ — пономарь.
Онъ любитъ клиросъ да алтарь,
Живетъ себѣ, какъ жили встарь.
Онъ не скучаетъ, благодушенъ,
Смиренно Промыслу послушенъ.
Онъ нравомъ тихій, видомъ кроткій.
Ни разу не былъ онъ въ судахъ,
Хотя былъ въ старческихъ годахъ
И на поблекнувшихъ щекахъ
Съ сѣдою рѣденькой бородкой.
„Не зашибался онъ и водкой.“
Но съ мозолями на рукахъ.
Давно онъ самъ убрался съ поля,
Но не таскался по дворамъ,
А убирался съ хлѣбомъ самъ
Есть у него и дочка Оля.
Она хозяйство все вела
И положительно цвѣла.
Ей любовался людъ крестьянскій
И восхвалялъ свою „лилею.“
Но и посматривалъ за нею
„Хорошій парень,“ Киръ Ливанскій
Учитель ближняго села.
„Смущала“ малаго блондинка,

А Киръ Ливанскій звалъ „картинка.“
Трудился честно „добрый Киръ,“
Его любилъ крестьянскій міръ;
Но отъ „продукцій“ и „протекцій“
Киръ не читалъ не рѣдко лекцій.
Хотя въ училищномъ совѣтѣ
Его ходатайство приняли
И сумму, нужную по смѣтѣ,
Ему всю выдать обѣщали,
Но деньги гдѣ-то позастряли...
И вотъ, Ливанскій на свободѣ,
Хотя при пасмурной погодѣ,
Рѣшилъ сосѣда навѣстить —
Ну, хоть чайку бы съ нимъ попить
Да повидать „картинку“ Олю.
„Пріятель“ Климычъ былъ ужъ старъ;
Но самъ поставилъ самоваръ.
А къ самовару нашъ старикъ
Давно-давно уже привыкъ,
За то не знался вовсе съ водкой.
И вотъ, сидя въ полу-потьмахъ
Да въ полутонѣ, съ фальшивой ноткой,
Онъ напѣваетъ: „На рѣкахъ...
На Вавилонскихъ“... кхахъ, кхахъ, кхахъ...
Пѣвецъ закашлялся маленько.
Но самоваръ поспѣлъ скоренько,
Шумѣлъ и съ брызгами кипѣлъ.
А тутъ Ливанскій подоспѣлъ.
И стало въ комнатѣ свѣтленько.
Столъ убранъ скромно и чистенько.
Велась бесѣда о дѣлахъ —
И на счетъ школъ, и на счетъ свахъ...

Потомъ что было, мы не знаемъ,
Ну, а на свадьбѣ погуляемъ.

IV.

Народъ нашъ чтить и любить свахъ
И ждетъ отъ свахъ онъ всякихъ благъ.

Вонъ у Фрола бочара
Загостилась со вчера
Баба умная—„Параха,“
„Сваха—щеголь, козырь—сваха“
И не такъ еще стара.

Ей домой давно пора.

Фролъ дастъ корма для скотины,
Нащипаетъ Фролъ лучины,
А потомъ проводить сваху.
Колетъ Фролъ сырую плаху
И работаетъ вальяжно
Да поетъ себѣ протяжно
Про какую-то кручину...
Былъ недавно онъ на свадьбѣ,
Выпилъ хмѣльно, зашатало...
Какъ пришелъ къ себѣ въ усадьбу,
Это только сваха знала.
Съ этихъ поръ онъ весь страдаетъ.
Впрочемъ, это ли бываетъ?—
Дастъ отъ немочи Маланья
Полосканья, растиранья.
Впрочемъ, въ этомъ мало толку:
Фролъ „хлебаетъ монополку,“—
Пьетъ открыто, въ-тихомолку.
И нельзя же—онъ бочаръ
И притомъ не очень старъ;

Любить пѣсни и веселье,
Любить свадьбы, новоселья;
Онъ помощникъ первый свахамъ.
Ѣдетъ съ свахой Фролъ изъ чести
И доставить скорымъ махомъ,
Ну и выпьетъ съ нею вмѣстѣ...
Но при такой погодѣ
„Сватъ“ засядетъ на болотѣ.
Темъ... не съѣли бы волчки.
Нѣтъ,—тамъ встрѣтятся дьячки.
Полупьяные коллеги
На одной сидятъ телѣгѣ
И судиться ѣдутъ вмѣстѣ,
Что не дѣлаетъ имъ чести.
А пора-бы убѣдиться,
Что не слѣдуетъ судиться.
Но сильна людская злоба!
И дьячки вотъ ѣдутъ оба
На единой колесницѣ,
Сами бары и возницы.
Ѣдутъ—спорятъ, горячатся,
Какъ кумачъ краснѣютъ лица,—
Съ приподнятыми очками,
Съ расширенными зрачками.
Пусть... въ болотѣ позастрянутъ,
Злиться оба перестанутъ,
Непремѣнно помирятся
И друзьями возвратятся;
А не то—и въ непогоду
Имъ того... „толочь бы воду.“
Ну кому-жь на то охота?
Нилъ простить Ѳомѣ-буяну.

Впрочемъ, время изъ болота
Намъ пробраться на „поляну.“

V.

Нашъ писатель дома,— боленъ.
Онъ „собою не доволенъ.“
Осень—разныя болѣзни.
Такъ, осеннею порой
Раздражаетъ геморрой:
Подъ вліяніемъ „давленья“
Баринъ вышелъ изъ терпѣнья,
Баринъ даже разозлился:
—„Гдѣ же демонъ? гдѣ онъ скрылся?
Онъ бы вѣрно поразвлекъ.“
Но нашъ демонъ не далекъ.
Быстро онъ проходитъ залой
И, какъ гость—„развязный малый,“
Сѣлъ за старую рояль,
Полетѣлъ мечтами вдаль
И перстомъ одной руки
Застучалъ—стуки, стуки...
Въ честь „парижскихъ славныхъ дѣлъ“
Бѣсъ три аріи пропѣлъ.
Пѣлъ онъ бѣшено—сердито.
Но рояль стара, избита...
Охъ, рояль намъ очень жаль,
Не настроить нѣмецъ Валь.
Бросилъ бѣсъ и быстро ходитъ.
Баринъ съ бѣсомъ рѣчь заводитъ.

Баринъ.

—Демонъ, ты прямой артистъ,

Ты Моцартъ, ты—Августъ Листъ.

Демонъ.

—Нѣтъ, писатель, это лесть.
И къ чему мнѣ эта честь?
Это плодъ недоумѣній:
Въ томъ Моцартъ славный геній,
А во мнѣ лишь храбрость есть.
И игра моя—забава.
Нѣтъ, твоя вотъ слава—слава!

Писатель.

—Такъ, до гроба будетъ слава,
А за гробомъ будетъ что?
Домонъ, это—мой вопросъ.
Много я надъ нимъ трудился,
Трудно было мнѣ до слезъ,
Наконецъ спросить рѣшился:
Ѣздилъ даже къ Льву Толстому,
Но... проѣздилъ попустому.
Умный демонъ, дай отвѣтъ.

Демонъ.

—Вѣчной славы людямъ нѣтъ!

Писатель.

—Если нѣтъ намъ вѣчной славы,
То мы пишемъ для забавы?...

Демонъ.

—До чего договорился...

Писатель.

—Что-жь ты, другъ мой, такъ смутился?

Демонъ.

—Что? да я не ожидалъ...

Ты какъ демонъ возгордился

И какъ демонъ возмечталъ.

И меня ты въ грязь втопталъ.

Вѣчной славы ты желаешь

И, какъ видно, забываешь,

Что обязанъ славой мнѣ

И обязанъ мнѣ—вдвойнѣ.

Ты отдай-ка мнѣ мое:

Ложь и лесть, обманъ, хулы,—

Краски лживой похвалы,

Что останется твое

Изъ твоей литературы?

Развѣ общіе контуры

Человѣческой натуры.

Ты мечталъ создать свой адъ,

Хоть не въ жизни, на бумагѣ:

Я дивлюсь твоей отвагѣ;

Я сильнѣй тебя въ сто кратъ

Да и то мечтать не смѣю

Сочинить сію затѣю...

А въ тебѣ какой талантъ?

Ты не Мильтонъ и не Дантъ.

Нѣтъ въ тебѣ и тѣни Данта,

Нѣтъ и Мильтона таланта.

Ты ли авторъ крайнихъ мнѣній?

Развѣ ты герой волненій?
Нѣтъ, во всемъ я былъ герой,
Первый я, а ты второй.
Вспомни, чѣмъ ты мнѣ обязанъ?
Вспомни, какъ я помогалъ?
Впрочемъ, чтожь? я не привязанъ...
Былъ съ тобой я очень друженъ,
Но теперь ты мнѣ не нуженъ.
Возгордился ты безъ мѣры,
Такъ что нѣтъ тебѣ и вѣры,
Нѣтъ ни сколько, нѣтъ ни въ чемъ.
Нѣтъ, съ тобой я не знакомъ...

VI.

Такъ разстались баринъ съ бѣсомъ.
Бѣсъ, пройдя немного лѣсомъ,
Вышелъ прямо на дорогу
И поплелся понемногу.
Баринъ всталъ, взглянулъ въ окошко—
Тамъ, гдѣ въ лѣсъ идетъ дорожка;
Бѣса нѣтъ, и „слѣдъ простылъ“...
Онъ вздохнулъ протяжно разъ,
Плюнулъ громко въ мѣдный тазъ,
Бѣсу въ слѣдъ глазами впился,
Сѣлъ и въ думу погрузился.

Писатель.

— „Демонъ мнѣ отвѣтилъ грубо,
Оскорбилъ меня сугубо:
Онъ не чтитъ моихъ услугъ.“

Да, онъ демонъ—адскій духъ.
Я невольный другъ злодѣя?
Я игрушка кознодѣя?—
О, тяжелая минута!
Да, бываетъ въ жизни круто...
Кто мнѣ скажетъ правду прямо?
Скажетъ правду роковую?
Кто мнѣ эту правду скажетъ,
Тотъ меня на вѣкъ обяжетъ.
Правда, какъ ты дорога!
Будь отъ друга, отъ врага,
Ты равно мнѣ будешь свѣтомъ.
Грустно мнѣ иной порою...
Нѣтъ, обиженъ я судьбою...“
И писатель всталъ при этомъ,
Сталъ ходить весьма поспѣшно
И грустилъ онъ безутѣшно.
Но предъ нимъ явился вдругъ
Добрый геній—вѣщій духъ.

VII.

Сѣлъ писатель, снова пишетъ,
Но какой-то шепотъ слышитъ,
Что-то такъ жужжить на ухо.
Муха? будто бы не муха...
Но, вѣдь—осень,—нѣтъ и мухъ.
—„Чу! да это... это духъ,“
Догадался нашъ писатель.
—Кто ты горній обитатель?
Демонъ? стражъ загробныхъ тѣней?

Духъ.

—Нѣтъ, я духъ, но добрый геній,
Обличитель ложныхъ мнѣній,
Обличитель откровенный.
Но тебѣ, достопочтенный,
Всеконечно неизвѣстно,
Что я врагъ непримиримый
Всѣхъ, кто дѣйствуетъ не честно.
И того, кто въ ложной славѣ,
Обличать считаю въ правѣ,
И рѣзко, твердо обличать.
Прошу, почтенный, не серчать.
Обличаю безпощадно,
Чтобы не было повадно
„Золотые дни“ пророчить
И простой народъ морочить.
Такъ, мы въ нѣсколько мгновеній,
При обмѣнѣ нашихъ мнѣній,
Уяснимъ, въ чемъ правда будетъ,
Въ чемъ преступный, пошлый вздоръ.
Обличу тебя въ упоръ.
Совѣсть есть—пусть совѣсть судить...

Писатель.

—Если буду виновать,
Обличай, я слушать радъ.

VIII.

Духъ.

—Вотъ ты сейчасъ грустилъ, тужилъ
О томъ, что бѣсъ тебѣ служилъ

И такъ съ тобою онъ дружилъ,
Что даже голову вскружилъ,
Но—ты съ нимъ славы не нажилъ.
Не мудрено, достопочтенный,
Ты славы собственной искалъ,
Искалъ ты съ гордостью презрѣнной,
Искалъ ты съ демономъ вдвоемъ,
Искалъ въ твореніи своемъ,
Но не позналъ твореній Бога,
Не зналъ священныхъ откровеній;
А здѣсь, и только здѣсь, дорога
Къ преславной жизни неземной.
Нѣтъ славы истинной иной!...

Писатель.

—Но,
Говоря научно-строго,
Въ мірѣ нѣтъ, конечно, Бога.

Духъ.

—Послушай, только не краснѣй.
Тотъ бѣсъ, твой другъ, тебя честнѣй;
Онъ—такъ: чего совсѣмъ не знаетъ,
То смѣло вдругъ не отрицаетъ,
Насколько смыслить, Бога знаетъ
И—то, что Богъ за зло караетъ...
А не причастны этой вѣрѣ
Не люди, развѣ только звѣри.
Гдѣ Бога нѣтъ, тамъ мысль пропала,
Тамъ нѣтъ разумнаго начала,
Тамъ цѣли нѣтъ, и нѣтъ науки,
Вотъ философскія „азъ-буки.“

IX.

Писатель.

— Не буду спорить я о Богѣ;
То область вѣры, міръ чудесъ,
А чудеса не объяснимы.

Духъ.

— Такъ? Но, что же объяснимо?
— Такъ, что было бы терпимо,
— Такъ, чтобъ разумъ былъ доволенъ?
Я послушаю тебя—
Объясни мнѣ самъ себя.
Пусть парижская аптека,
По рецепту мудреца,
Изготовить человѣка,
Хоть не умнаго,—глупца,
Ну, хотя бы и урода,
Все нагляднѣй для народа.
Говорятъ давно про нѣмца,
Что придумалъ обезьяну,
Говорятъ, конечно, съ-пьяну;
Но, подобно иноземцу,
Дай-ка ты деревьямъ очи,
Дай камнямъ и мозгъ и мысли,
И познай, коль хватитъ мочи,
Міръ и звѣзды всѣ исчисли.
Міръ и мысль не измѣримы,
Жизнь и смерть не объяснимы.
Мысль не видишь ты очами.

Смерть не лѣчится врачами.
Жизни первое начало
Не отыщешь иксъ-лучами
И не вѣдаешь ни мало!—
Чудеса на свѣтѣ всюду:
Живъ, обязанъ этимъ чуду;
Умираешь—чудо вдвое;
Смерть—рожденіе второе!—
Какъ рождаешься, не знаешь:
Живъ, зачѣмъ же умираешь?
А скажи мнѣ, что ты знаешь
За предѣлами небесъ?
Нѣтъ, сознайся—мало знаешь.

Х.

Писатель.

—Если такъ ты обличаешь,
Объясни мнѣ, если знаешь,
Тѣ два чуда изъ чудесъ—
Какъ родился Богъ отъ Дѣвы,
Какъ онъ умеръ и воскресъ?
Что такое „Богоматерь?“

Духъ.

—О, несчастнѣйшій писатель!—
То Рожденіе Христово
Совершилось силой Бога,
Силой Духа Всесвятаго.
Богъ Отецъ есть Богъ Создатель,

Кто творилъ все изъ-начала,
Все, что было, все, что стало.
Этой силы развѣ мало—
Созидать и воскрешать?
Кто же все, что есть, рождаетъ?
Кто родилъ всѣхъ родшихъ мать?
Кто? ты долженъ отвѣчать.—
О, несчастнѣйшій писатель!
Какъ сравнилъ ты Богоматерь
Съ „недостойнѣйшей женой“?...
Ты, какъ врагъ лица Христова,
Изъ тщеславія пустого
Сталъ „устами сатаны.“
Да, не демонъ-ли въ пустынь
Такъ сомнѣвался въ Богъ-Сынъ?
Но онъ не зналъ, Кто былъ Христось.
Какъ же ты не знаешь нынѣ?
Чтожь ты знаешь? гдѣ ты росъ?—
Гдѣ же умъ твоей главы?
Знай, хулы на Богоматерь
Очень-очень не новы.
Тѣ хулы у Цельса взяты
И давнымъ-давно прокляты.
Ты достоинъ той же доли.
Цельсъ, сраженный Оригеномъ,
Какъ свидѣтель противъ воли,
Утвердилъ намъ догматъ тотъ,
Что Святая Приснодѣва—
Возрастивъ намъ „жизни Древо,“—
Богоматерь въ родъ и родъ.
Цельсъ своею клеветою
На рожденіе Христово,

На Евангельское слово
Показалъ, что Церковь знала,
Возвѣщала, почитала
Эту истину святою.

Писатель.

— Но Евангелія наши—
Всѣ-ли все-ли передали
Только истинно святое?—
Мнѣ казалось—измѣняли,—
Такъ одинъ, иначе трое.

Духъ.

— Всѣ—единое „святое.“
И сомнѣніе ничтожно.
Достоверность сихъ писаній
Утвердилась непреложно
Самымъ подвигомъ страданій
Всѣхъ Апостоловъ Христовыхъ.
Это все и всѣ мы знаемъ,
А сомнѣніе встрѣчаемъ
У людей недавнихъ—„новыхъ.“
Вотъ слывуть за образцовыхъ:
Фридрихъ Бауръ Тюбингенскій,
Генрихъ Эвальдъ Гёттингенскій.
Но профессоръ Генгстенбергъ
Всѣхъ, однако, опровергъ,
Всѣ ихъ суетные споры,
Аргументы и опоры.
И они сданы въ архивъ.

Если этого не знаешь,
То ты дважды несчастливъ.
Изъ Евангельскаго слова,
Изъ тщеславія пустого,
Ты страницу за страницей
Дерзкой, грязною десницей
Нагло рвешь и вырываешь.

XI.

Писатель.

—Я беру одну „основу,“
Только „заповѣдь Христову.“
А зачѣмъ намъ своды храма?
А зачѣмъ тамъ эта „драма?“ —
Тѣло, Кровь, сосудъ святой?...

Духъ.

—Но довольно мысли злой.
Лицемерный другъ Христа,
Не скорбѣлъ ты у креста
И, когда Онъ крестъ свой несъ,
Не пролилъ ты теплыхъ слезъ;
И въ моментъ межъ палачами
Ты не зрѣлъ Его очами.
Лжецъ! оставь любовь Христову,
Ты ея не понимаешь:
Если храмъ не признаешь,
То Голгоѣу презираешь.
Знай, святой алтарь—Голгоѣа;

То — алтарь безкровной Жертвы, —
Жертвы Бога — Саваофа! —
Ты любви Его не знаешь,
Если Жертву презираешь
И хулы тѣ изрыгаешь
На Божественное Тѣло,
На Божественную Кровь.
Жертва, вотъ любви той дѣло! —
За любовь пролита Кровь.
Ты съ ироніей внушаешь,
Будто Кровь „не исцѣляетъ“,
„Благодать“ не помогаетъ...
Мало знаешь, — больше скажемъ:
Кто вкушаетъ не достойно,
Богъ того судомъ караетъ,
„Судъ себѣ тотъ ястъ — пьетъ“,
Вотъ Апостольскій отвѣтъ.
Такъ знай, что Таинства — не „чары“
Ты же въ бѣшенствѣ, въ припадкѣ
Принималъ Святые Дары
Будто хину въ лихорадкѣ, —
Какъ даръ „волшебнаго искусства“,
Безъ всякой вѣры и безъ чувства.
Но кто же этого не знаетъ,
Что Вѣра къ Богу приближаетъ
И — что по вѣрѣ Богъ спасаетъ.
Ты „кладешь любовь въ основу“...
Нѣтъ, казнишь любовь Христову:
Исуса распинаешь,
А Варавву обнимаешь;
Ты Распятаго терзаешь,
А злодѣя лобызаешь.

О, безуміе людское!...
Да, тщеславіе пустое,
Эта страсть тебя терзаетъ!—

ХІІ.

Писатель.

—Если вѣра такъ спасаетъ,
То зачѣмъ писать иконы
И предъ ними „бить поклоны“?

Духъ.

—Такъ: я не противорѣчу,
Но пословицей отвѣчу:
Да, не нужны для скотины
Рафаэлевы картины...
Знай, икона, это—слово,—
Образъ жизни и идей:
Свято слово—жизнь святѣй.
Жаль, что это ты не зналъ
Или мысль не воспиталъ.

Писатель.

—А поклоны?

Духъ.

—И поклонъ есть тоже слово,
Но для разума иного...
То слово въ дѣйствии, живое

И выражаетъ больше вдвое—
Всю силу пламеннаго чувства:
Поклоны, слезы по моментамъ,—
Гимнъ сердца съ аккомпаниментомъ!—
А выражать такъ наши чувства
Есть дѣло высшаго искусства.
И въ семъ искусствѣ очевидны
Священныхъ чувствъ святой законъ,
Сердечныхъ звуковъ высшій тонъ.
Такъ знай, слова твои постыдны:
Чье сердце будетъ къ Богу ближе,
Тотъ и главу преклонитъ ниже...
Вотъ высшій тонъ святыхъ гармоній.
Гдѣ-жъ гнусный смыслъ твоихъ ироній?
Знай-же, гордая глава:
Ты горда, но не права!—

Писатель.

—Ну, къ чему еще обряды,
Формы, странные наряды?
Всѣ они и всѣхъ стѣсняють.
Ну, скажи—зачѣмъ „вѣнчаютъ“?
Если попъ вѣнецъ возложить,
Отъ вѣнца блаженство чають;
Нѣтъ „коробка“ не поможетъ!—

Духъ.

—Какъ кому—по головѣ:
У кого не мозгъ, а пробка,
Для того вѣнецъ—„коробка“...

Ты бы думать такъ стыдился.
Видно, ты, мой другъ, женился
На невѣнчанной вдовѣ,—
И вѣнчался ты вокругъ ели,
Знать и свадьбу бѣсы пѣли...

XIII.

Писатель.

—Нѣтъ, религію оставимъ
И къ морали перейдемъ.
Не по вѣрѣ мы живемъ.
Пусть и вѣруемъ мы въ Бога,
Но зачѣмъ живемъ убого?
Пусть бы люди дружно жили,
Не судили
И не крали,
Никого не убивали.

Духъ.

—Такъ, ты цѣнишь въ людяхъ волю,
Въ волѣ—правду и добро:
Что ни слово—точно злато,
Что ни звукъ—то серебро.
Такъ, но будь и самъ ты честенъ.
Но не такъ ты мнѣ извѣстенъ.
„Не судящій,“ всѣхъ ты судишь,
Всѣхъ „примѣрно“ порицаешь:
Всѣ святыни алтарей,
Санъ и скипетры царей.
И хулы ты изрыгаешь

На царей, императрицъ
И на всѣхъ священныхъ лицъ.
Ты въ судъ къ нимъ очень строгъ.
Но ихъ совѣсть знаетъ Богъ,
Ты же не былъ въ ихъ груди;
А не знаешь—не суди!—

Писатель.

—Если „любишь,“ то прощай.

Духъ.

—„Любишь, такъ не развращай.
И Христосъ, открывши рай,
Ввелъ „разбойника“ святого,
Но не ввелъ „злодѣя“ злого.
Такъ зачѣмъ-же „правду Божью“
Ты смѣшалъ съ своею ложью?
Это все старымъ-старо.
Оботри свое перо,—
Грязь ползетъ изъ-подъ пера.
То ты пишешь сущій вздоръ,
То—воистину юморъ,—
Обольщая обольщаешь
И съ апломбомъ объявляешь:
„Кто убійцей былъ вчера,
Кто вчера сидѣлъ въ острогѣ,
Всѣ вы будете какъ боги,
Стоить только бросить судъ“...
Сколько лжи и лести тутъ!
И для нравственнаго фонда

У профессора Друммонда
Взялъ ты главную идею,—
Что „благо высшее—любовь.“
Но сей любви источникъ—кровь.
Видно, много ты читаешь—
—О Христѣ и объ ацтекѣ...
А доселѣ ты не знаешь
Человѣка въ человѣкѣ.
Въ человѣкѣ—ангелъ свѣта,
Въ человѣкѣ—демонъ-бѣсъ,
Въ человѣкѣ есть и звѣрь.
И въ твоихъ „словахъ крылатыхъ“
Только ложь и лесть,—повѣрь.
Образецъ природы звѣрской
Вотъ—въ особѣ министерской.
Вспомни, какъ страдали Буры,
Какъ ихъ билъ и жегъ и грабилъ
Пресловутый Чемберленъ,—
Былъ готовъ съ живыхъ драть шкуры,
Отводя въ жестокий плѣнъ.
Коммерсантъ изъ коммерсантовъ,
Къ „драгоцѣнностямъ“ пристрастный,
На цѣпи изъ брилліантовъ
Онъ повѣсилъ Трансвааль,
И, когда хрипѣлъ несчастный,
Лордъ не чувствовалъ, что жаль.

XIV.

Писатель.

—Но, оставимъ мы витійство.
Какъ ты смотришь на убійство?
Вотъ война—прямое зло.

Духъ.

—А смотрю я очень просто:
Въ силу нравственного роста
Люди всѣ поймутъ, конечно,
Что война есть зло изъ золь...
Битву Каинъ изобрѣлъ...
И проклятъ за это вѣчно.
А вотъ это что такое?
Знаешь, войны—„зло большое“
И воюешь первый ты,
И творишь такое „злое“,
Что войны-то злѣе втрое.
Улучшаешь будто нравы,
Лжешь!—воюешь изъ-за славы.
Не довольный всѣмъ народнымъ,
Всѣмъ домашнимъ благороднымъ,
Строимъ истинно-церковнымъ,
Пособравъ себѣ гурьбу,
Ты ведешь свою борьбу
Да со скрежетомъ зубовнымъ
Водворяешь въ міръ миръ
И кричишь: „вотъ я—кумиръ!“
Но тебѣ той славы мало,
Мало той „гурьбы“ презрѣнной;
Ты съ мечтой своей надмѣнной
Страстно ищешь пьедестала.
Ты своей персоной гордой
Заслоняешь Ликъ Христа.
Оле, дерзкія уста!—
Изъ тщеславія пустого
Возмутилъ ты веси, грады,

Извратилъ Христово слово,
Осмѣялъ ты церковь, храмы,
Всѣ священные обряды
И святыя образа.
И своей душой продажной
Совершилъ ты подвигъ важный—
„Плюнулъ матери въ глаза“!—

Писатель.

—Я искалъ добра—свободы
И на то потратилъ годы.

Духъ.

—Ахъ, ты родину любилъ...
Но, убравшись изъ отчизны,
Не боясь дороговизны,
Ты въ Парижѣ сладко жилъ...
Тамъ ища „добро—свободу“,
Православному народу
Ты „Ренана“ подарилъ...
Какъ ты ласковъ, какъ ты милъ! —
Лжешь ты, гордый рабъ сомнѣній,
Сынъ парижскихъ „похожденій“
И парижскихъ заблужденій.
Захвативъ съ собою книжки,
Разсуждая по-парижски,
Ты пописываешь порой
И, какъ дерзкіе мальчишки,
Порицалъ весь Русскій строй.
Тамъ-де весь народъ культурный,

А у насъ—„мужикъ простой,“
А у насъ во всемъ отсталость,
Даже... будто бы... застой.
Что тутъ дѣлать? эка жалость!—
Что же нужно?—„разрушенье,“
И притомъ—въ одно мгновенье...
Знай, парижскій мудрый книжникъ,
Знай, не дюжинный интрижникъ:
Огнь спалилъ и храмъ Діаны,
То содѣлалъ Геростратъ;
Ты хуже дѣлаешь въ сто кратъ,—
Ты кинжалъ вонзаешь въ раны.

XV.

Писатель.

—Такъ, не нужно разрушенье.
Что же нужно?

Духъ.

—Просвѣщенье!—
Знаній больше, знаній нужно.
Вотъ за что беритесь дружно.

Писатель.

—Нѣтъ, не вѣрю я въ науку.
Да, науки нѣтъ полезной.
Что намъ пользы знать міръ звѣздный?
Въ чемъ науки сей услуга?

Духъ.

—Взять французскую культуру
Да французскіе недуги,

Правда, сгубишь и натуру.
Но наука-ли виновна?
Говори-ка хладнокровно.
Не хитри ты такъ и этакъ,
Не смущай ты малыхъ дѣтокъ.

Писатель.

—Что въ „учености безъ хлѣба“?
Ну, считаютъ,
Измѣряютъ,
А узнаютъ-ли все небо?...
Математики не надо,
Астрономію долой!—
Разводи-ка больше стадо
Да коровъ побольше дой.

Духъ.

—Это взято
У Сократа
И не ново, геній мой.

Писатель.

—Кабинеты и музеи,
Ну, къ чему сіи затѣи?

Духъ.

—Посѣтителямъ „салоновъ“
И „отдѣльныхъ кабинетовъ“
Не имѣю дать отвѣтовъ:
„Нѣтъ имъ писанныхъ законовъ.“

Писатель.

— И безъ фабрикъ, безъ заводовъ,
Безъ „палатъ,“ безъ консисторій,
Безъ каѳедръ, аудиторій,
Безъ лѣчебницъ и безъ клиникъ
Жизнь пойдётъ, какъ колесо.

Духъ.

Такъ училъ Синопскій циникъ,
Такъ мечталъ Жанъ Жакъ Руссо.
Вотъ что, кажется, обидно—
То, что прямо очевидно—
Ты весь циклъ подобныхъ мнѣній
Изъ чужихъ собралъ твореній:
Понабралъ въ своемъ умѣ
По идейкѣ, да по строчкѣ,
Какъ у нищаго въ сумѣ
Собираются кусочки.

Писатель.

Что-жь, по твоему, я воръ?
Да?... окончимъ разговоръ!

Духъ.

— Нѣтъ, ты этакъ не серчай.

Писатель.

— Больше—нѣтъ, не обличай.
Ты набрасываешь тѣнь...

Духъ.

—Будь здоровъ,—счастливый день!...

Писатель.

—Станный духъ!—

Непріятень, а правдивъ.

Жаль, что спорить такъ ретивъ.

Я остался безотвѣтнымъ...

Гдѣ же духъ?

Онъ молчитъ... да, я не глухъ...

Какъ исчезъ онъ не замѣтнымъ?...

Что теперь мнѣ предпринять?

А не лучше-ли молчать?

Сяду дома; не поѣду

Даже къ ближнему сосѣду.

Книга шестая.

Разочарованіе.

I.

Быстро идутъ дни за днями,
Идутъ годы за годами.
Жизнь идетъ своимъ порядкомъ:
Тѣ въ трудахъ, а тѣ въ заботахъ—
Кто о „горькомъ,“ кто о „сладкомъ,“
Кто о танцахъ, кто о нотахъ,
Кто о добромъ, кто о гадкомъ.
Тѣ, свой долгъ не забывая,
Какъ друзья родного края,
Строятъ школу и пріютъ;
Тѣ „ковшомъ веселье пьютъ,“
Пьютъ и—заживо гніютъ...
Тѣ въ семьѣ, какъ пчелки въ сотахъ,
Тѣ на каторжныхъ работахъ.
Тотъ смѣется, этотъ плачетъ,
Тотъ поетъ, а этотъ скачетъ
И въ театрахъ, и въ салонахъ,
И въ кутительскихъ притонахъ.
Тотъ и въ клубахъ, и въ вагонахъ

Страстно дуется въ картежъ,
Не щадя своей рубахи.
Тотъ волнуетъ молодежь.
Идутъ рядомъ, цѣпью, кругомъ
Съѣзды, скачки, гонки, крахи
И казенныхъ суммъ растраты.
А потомъ ужъ другъ за другомъ
Чернь, купцы, аристократы
Въ судъ идутъ невольнымъ цугомъ,
Гдѣ „защита“—къ ихъ услугамъ.
„Слово“ той „защиты“ цѣнно,
Если честно, откровенно;
Ну, а если... Впрочемъ, что-же?
Обвинять въ судѣ „защиту“
И присяжному синклиту
Не обычно, не пригоже.

II.

Жизнь измѣнчива, коварна.
Съ жизнью мы ничуть не споримъ.
Въ жизни все идетъ попарно:
Правда съ ложью, радость съ горемъ,
Геніальность, идіотство,
Кутежи и домоводство,
Собутыльничество, братство,
Трудъ ученый, казнокрадство,
Юбилей и аресты,
Вздохъ восторженной невѣсты,
Вопль злосчастнаго банкротства,
Погребеніе и свадьбы
И разгромъ родной усадьбы
На платежъ по векселямъ.

Тамъ мосье, а здѣсь мадамъ
Ходятъ, ѣздятъ по полямъ,
За хозяйствомъ наблюдаютъ
И умненько поступаютъ.

III.

Всѣмъ о всемъ своя забота.
Тлѣетъ торфъ, дымятъ болота,
Хаты сельскія пылаютъ,
Горятъ сосновые лѣса
И ѣдкимъ дымомъ застилаютъ
Пригорки, воздухъ, небеса.
Тамъ атмосферные осадки
Ученымъ окомъ наблюдаютъ;
Тамъ по полету птицъ гадаютъ:
Гаданья пишутся въ тетрадки
И составляются примѣты,
А по примѣтамъ тѣмъ—совѣты,
Совѣты пишутся въ газеты.
А тамъ издатели газетъ
Готовятъ вкусный винигретъ
И аппетитную окрошку—
И господамъ и мужикамъ.
(Всякъ свою имѣетъ ложку,
Такъ отвѣдать можетъ самъ).

И въ томъ нѣтъ нужды сомнѣваться,
Что радъ издатель постараться
Себя заставить полюбить
И всѣмъ на свѣтѣ угодить.
„Окрошку“ всѣмъ онъ преподноситъ,
Всѣмъ тѣмъ, кто просить и не просить,—
Со сметаной, съ лукомъ, съ перцемъ—

Православнымъ, иновѣрцамъ,
Всѣмъ по вкусу, всѣмъ въ угоду
И слегка всыпаетъ соду,
Чтобы лучше зашипѣло:
Зашипить, вотъ это—дѣло,—
То погрѣетъ, то постудитъ...
А подписчиковъ коль мало,
То съ цензурой интригуетъ,
И подбавитъ больше сала,—
Порнографіей сторгуетъ.
Ну, народъ, глядишь, беретъ.
„Не подсалишь—не пойдетъ“...
„Сало“ любитъ холостежь.
Да, въ газетахъ все найдешь,
Что „дозволено,“ „терпимо,“
Что волнуетъ молодежь,
Что подъ-часъ неуловимо.

Но, жаль, что тамъ имѣетъ мѣсто,
Въ видѣ яркихъ „красныхъ“ строкъ,
И динамитъ въ капсюлѣ тѣста.

Но довольно. Вотъ урокъ:
Всѣмъ молчаніе полезно —
На уста повѣсь замокъ!
Всѣмъ и намъ давно извѣстно,—
Ложь подъ-часъ неуязвима,
И виновныхъ не найдешь.
Но газеты надо мимо,—
Самъ въ газеты попадешь.

IV.

Мы газетъ не порицаемъ,—
Что въ газетахъ отмѣчаемъ

(Но за ложь не отвѣчаемъ).
Изъ газетъ большихъ и малыхъ,
Прогрессивныхъ и отсталыхъ,
И трусливыхъ и удалыхъ,
Всѣ читатели ихъ знаютъ,
Какъ въ судахъ дѣла вершаютъ,
Какъ промышленность ползетъ,
Какъ намъ нѣмцы въ ней мѣшаютъ,
Какъ тяжелъ нѣмецкій гнетъ.
Мы не всѣ читаемъ вѣсти,—
Что не дѣлаетъ намъ чести,—
Все же мы кой-что читаемъ
Отъ политики до спорта.

Такъ вотъ мы здѣсь и отмѣчаемъ:
Какъ Блистательная Порта,
За Балканскими горами,
Съ Европейскими Дворами
Да съ двумя—тремя послами
Цѣлый годъ играетъ въ прятки;
Какъ въ Болгарскіе порядки
Князь Болгарскій самъ вникаетъ
Неусыпными ночами,
Несомкнутыми очами
И, уставши, безъ оглядки
Изъ Софіи утекаетъ.
Чтожь? и хуже, вѣдь, бываетъ...

V.

Какъ въ Россіи, годъ отъ года,
Просвѣщеніе народа
Поступательно идетъ,

Зри о томъ любой „отчетъ.“
Всѣ твердятъ о школьномъ благѣ,
Что оно не на бумагѣ,
И „отчетъ“ отнюдь не вретъ.
Споръ идетъ о школьномъ дѣлѣ
И не конченъ онъ доселѣ.
Слышны брань и шумъ и крики:
„Бросьте древніе языки,
Можно умнымъ быть безъ нихъ,—
Безъ латинскихъ „скучныхъ“ книгъ,—

Безъ элизій
И дивизій,
Удвоеній,
Сокращеній...

Изучать такую рѣчь...
Нѣтъ, урокъ не стоитъ свѣчь.
Школьной „каторги“ не нужно!
И вопять всѣ хоромъ дружно:
„Гнать in collum всю латынь!
Вырвать съ корнемъ, какъ полынь!
Пусть дѣтей научатъ въ школѣ,
Что и какъ имъ дѣлать въ полѣ,
Какъ имъ вѣдать дворъ и скотъ,
Знать торговый оборотъ...“
А чтобъ въ трудномъ школьномъ дѣлѣ
Дѣти были въ полномъ тѣлѣ
И здоровья не лишались,
То придумать ухитрялись
Двѣ субботы на недѣлѣ.
Вотъ вамъ школа для атлетовъ
Да, пожалуй, для илотовъ.

Ну и стоитъ эта школа
Два аттическихъ обола.

VI.

Насъ одинъ вопросъ смущаетъ:
Кто „языки“ порицаетъ,
Знаетъ онъ или не знаетъ,
Что въ классическую рѣчь
Грекъ съумѣлъ свой міръ облечь,
И языкъ его—кристалль,
Лучшей рѣчи идеаль:
Въ немъ зеркало жизни Грека,
Въ немъ пра-геній человѣка.
Такъ, не зная классицизма,
Но по уличнымъ листкамъ,
Какъ посредствомъ астракизма,
Гонятъ умный классицизмъ;
А, въ угоду крикунамъ,
Водворяютъ реализмъ.
Но, кто гонитъ, тѣмъ и срамъ.
Вотъ вамъ участь Аристида.
Вамъ, о Еллины!—обида.

VII.

Да. А что же неизвѣстно,
Какъ мечтаетъ нашъ писатель?
Нѣтъ, онъ больше не мечтатель
И ведетъ себя онъ честно.
Дома,—будто заколдованъ.
Онъ возвышенно взволнованъ:
Все его волнуетъ дума.
Вотъ какъ думалъ онъ угрюмо:

Дума.

— „Отъ болѣзненныхъ волненій
Я могу и умереть.
Что же слава? чтожь мой геній?
Люди новыхъ поколѣній
Могутъ въ грязь меня втереть.

. . . . .

Люди разные живутъ:
Тотъ сынъ свѣта, сей рабъ тьмы.
Люди разно умираютъ,
Разныхъ разно погребаютъ—
Надъ однимъ поютъ псалмы,
Надъ другимъ собаки лаютъ.

. . . . .

Смерть... а дальше? Божій судъ...
Что предъ нимъ мой „славный“ трудъ?
Эти книжныя лавины—
Мыслей, чувствъ моихъ потоки...
Сколько тутъ чернильной тины!
Эти сцены, эти строки
Какъ отъ истины далеки!—

. . . . .

Невоздержно и кичливо,
Необузданно, болтливо,
Устраняя всѣ препоны,
Все принесъ я въ жертву славы:
    И гражданскіе законы,
    И церковные уставы.
Рычагъ славы—чрезвычайность.
Вотъ, стремясь къ вершинѣ славы,

Я во всемъ вдавался въ крайность.

Ярыхъ „бунтырей“ народныхъ

Выдавалъ за благородныхъ;

Увлекаясь вздорной модой,

Я разнузданность прямую

Признавалъ „добромъ—свободой,“

Величалъ „народнымъ благомъ;“

А преступность половую

Называлъ „невѣрнымъ шагомъ.“

Мнѣ курили—я былъ радъ:

Славы—цѣлый водопадъ;

Но въ душѣ... но въ сердцѣ—адъ!—

. . . . .

Если думать честно, здраво,—

Что такое это — слава?

Слава всѣхъ страстей покровъ,

Слава—лязгъ и звонъ оковъ,

Греза тяжкаго кошмара,

Слава—заревъ пожара,

Слава—блескъ стальной лазури,

Слава—откликъ грозной бури,

Слава—злѣйшихъ дѣлъ завѣса,

Слава—шумъ большого лѣса.

. . . . .

Вѣтеръ дуетъ, свищетъ, давитъ,

Ломить, валить буреломъ

И куда полетъ направить—

Рвется, мчится напроломъ.

Лѣсъ гудитъ,—въ лѣсу содомъ...

Всюду скрипъ и свистъ и ревъ,

Шумъ и трескъ и хлопъ деревъ.

Такъ и духъ несется къ славѣ

Силой мысли, вихремъ страсти—
Онъ не думаетъ о правѣ,
О законахъ и о власти.

. . . . .
Изъ-за славы сколько горя!
Сколько злѣйшихъ преступленій!
Гибнуть люди, ссорясь, споря
Изъ-за громкихъ восхваленій
Отъ грядущихъ поколѣній.
Возвышая славы знамя,
Разжигаютъ страсти пламя
И несутся напроломъ,
Оставляя буреломъ...

. . . . .
Монументы, мавзолеи,
Пантеоны, коллизеи,—
Все тщеславія затѣи!
Обелиски, пирамиды
И сады Семирамиды—
Славы суетной покровъ!
О, свидѣтели вѣковъ!
Кто васъ знаетъ? развѣ гиды.
Слава—пепелъ, слава—прахъ,
Слава—звукъ пустой въ устахъ.

. . . . .
Мысль тщеславія лукава!..
Да погибнетъ эта слава
Мысли гордой—„исполинской“,
Мысли злостной—сатанинской!—

. . . . .
О, мысль!.. несчастная гордыня,
Признай—одна для всѣхъ племенъ

И въ океанѣ всѣхъ временъ
Неразрушима твердыня
Правды, блага, мира, славы.
То Церковь вѣчная—Христова
Подъ сѣнью Божія покрова.
Ея законъ, ея уставы
Хранятъ умы святятъ и нравы;
Она была и будетъ въ вѣкъ,
Доколѣ будетъ человѣкъ.

. . . . .
Но церковь Божія—не клиръ,
Нѣтъ, Церковь Божія—весь міръ.
А сила Церкви—благодать.
Но силу ту не „мудрымъ“ знать,—
Она не свѣтъ плотскихъ познаній,
Не плодъ научныхъ изысканій;
То свѣтъ свѣтильниковъ иныхъ,
То блескъ „свѣтильниковъ златыхъ“—
Мужей „прославленныхъ“—Святыхъ.
И тѣ свѣтильники возжегъ
Самъ Вседержитель міра—Богъ.
Какъ звѣзды въ небѣ—въ дебряхъ дикихъ
Воздвигъ Онъ иноковъ великихъ
И, осіявъ ихъ благодатью,
Содѣлалъ ихъ своею ратью.
И се, гдѣ тлѣнія ковчегъ,
Сіяетъ святость, гибнетъ грѣхъ—
Нѣтъ силы зла и нѣтъ страданій:
Страдальцамъ тамъ даются силы,
И безъ научныхъ изысканій
Ключемъ бьетъ жизнь изъ нѣдръ могилы!..
Таковъ плодъ подвиговъ претрудныхъ.

Вотъ слава иноковъ пречудныхъ.
Но „Богъ сокрылъ сіе отъ мудрыхъ,“
Открылъ „младенцамъ“—простецамъ:
Сказалъ глухимъ, явилъ слѣпцамъ.
Таковъ свѣтъ истинный, прямой,
Таковъ плодъ вѣры драгоцѣнный.
Вѣщаетъ то глухо-нѣмой
И видитъ то слѣпо-рожденный.

. . . . .
Да, мысль кичится, мысль упорна;
Но сердце вѣруетъ покорно.
И сердце знаетъ—Кто есть Богъ,
И Богъ пріемлетъ сердца вздохъ
Со умиленными слезами
Передъ святыми образами.
Блаженъ, кто въ Господѣ трудился,
Его любилъ, Ему молился.
Благословенъ тотъ сынъ небесъ:
Предъ нимъ— ничто сынъ ада, бѣсъ!...

. . . . .
. . . . .

VIII.

—Что же демонъ? гдѣ же онъ?
Демонъ, точно съ похоронъ,
Шелъ какъ странничекъ убогій
Грунтовой большой дорогой;
Поднимался и на горку,
Опускался и въ долину;
Ѣлъ осиновую корку,
Пилъ двѣ кружки керосину.

И той же скучною дорогой,

Горою, нѣсколько отлогой,
Съ корзиной, съ посохомъ въ рукѣ,
Въ халатѣ или сюртукѣ,
Полу-одѣтъ, полу-босой,
Съ короткой, тоненькой косой,
Шелъ Климычъ, старый пономарь,
Всю жизнь влюбленный въ свой стихарь.

IX.

Демокъ.

—Здорово, добрый старичекъ.
Куда ты держишь путь?

Климычъ.

—А въ городъ, добрый землячекъ.
Пора-бы отдохнуть.

Демокъ.

—Трудненько жить? признайся, дѣдъ:
Чай, видѣлъ много бѣдъ? —

Климычъ.

—Трудиться любимъ мы, землякъ,
Къ труду привычны мы.
Мы осуждаемъ всѣхъ гулякъ.
Лѣннivecъ — другъ тюрьмы.
Начальство доброе у насъ
И цѣнить скромный трудъ.

Иду къ Владыкѣ, -- вотъ „указъ.“

Чай, рясу мнѣ дадутъ...

Еще награда — больше честь.

Стихарь ношу давно.

А тамъ, пожалуй, буду тесть.

Анъ, тутъ не все равно.

Демокъ.

— Не нужны рясы, говорятъ,

Къ чему смѣшной уборъ?

Климычъ.

— Почтенный, ряса не нарядъ:

Кто жь мелеть этотъ вздоръ?

Демокъ.

— Не знаешь? учить точно такъ

Извѣстный Левъ Толстой.

Климычъ.

— Такъ что жь? дьячекъ надѣнетъ фракъ,

А графъ — армякъ простой.

Демокъ.

— Толстой упрямя,

Грозить онъ вамъ,

Что уничтожить васъ —

Духовное,
Церковное
И всякій твой „указъ.“

Климъчъ.

—Ужь будто уничтожить!—
Не бойсь, мнѣ Богъ поможетъ.
А впрочемъ, я и такъ ничтоженъ,—
Да счастливъ я, что остороженъ.

Какое нападеніе
На наше-то смиреніе!..
„Его благословеніе“
И тотъ въ уничиженіи,
А я простой червякъ.
Не правда ли, землякъ?

Демокъ.

--Иной ты атмосферы...
Мнѣ кажется, ты правъ:
Но графъ не терпитъ Вѣры,
Не любитъ Церкви графъ.
Виновны всѣ „церковные“;
„Мѣшаютъ,“ споритъ графъ.

Климъчъ.

—Виновны невиновные...
Твой гнѣвный графъ
Зѣло не правъ.
Ему мѣшаетъ клиросъ,

Ему мѣшаетъ храмъ...
На клиросѣ я выросъ;
Я сынъ родной псалмамъ.
Любимъ я мужиками,
Служу усердно всѣмъ,
А ссорюсь лишь съ бѣсами,
Когда колоколами
Я всѣмъ имъ надоѣмъ.
„Мѣшаютъ“—требуй штрафъ,
Коль ежели онъ правъ.
Да Богъ съ нимъ!—былъ бы здоровъ.
Съ земли насъ не спихнетъ.
Напрасно съ нами ссорится,
Не кстати хорохорится—
Страшаетъ напередъ;
А ну-кась да умереть.
Какъ только упокоится—
Сомкнетъ глаза,
Закроетъ ротъ,
И нѣтъ его—враля,
Землею принакроется,
И утолитъ земля.
Умъ гордый, извороченный,
А сердце съ червяточиною:
Гдѣ черви—тамъ и тля!

Демонъ.

—Тебѣ не страшенъ Левъ Толстой?
Не трусишь ты угрозы?
Отвѣть мнѣ на вопросъ.

Климычъ.

—Науки я, землякъ, простой;
Мнѣ школа—отчій домъ.
Но Божій страхъ, вотъ стражникъ мой;
Охрана мнѣ—псаломъ.
Не страшно съ нимъ и на войнѣ,
Не страшенъ левъ, ни змѣи злыя;
Ревутъ, шипятъ — читай псаломъ,
И поразишь врага жезломъ,—
„И попереши льва и змія“...

Демонъ.

—Я вижу, съ книгой ты знакомъ;
Старикъ, да ты—витія.

Климычъ.

—И ходимъ мы перекрестясь,
Мы ходимъ, сирѣчь, не боясь
Бѣды отъ злыхъ людей.
А звѣрь или злодѣй
Въ оврагѣ, подъ кустомъ,
Повѣрь, землякъ,—
Повѣрь, что такъ—
Мы ихъ разимъ крестомъ.

Х.

Нашъ Климычъ искренній старикъ,
Креститься набожно привыкъ:
Снявъ шляпу—свой помятый „шлыкъ“,

Обтеръ вспотѣвшее чело,
Взглянулъ на ближнее село...
Вдали бѣлѣтъ Божій храмъ
И надъ окрестностью царить.
На храмѣ крестъ, какъ жаръ, горить
На страхъ всѣмъ демонамъ—бѣсамъ.
Слагаетъ старецъ три перста...
Но страхъ предъ знаменемъ креста
Волнуетъ бѣсу сердце, грудь,—
Не можетъ бѣсъ продолжить путь.
    Скрежетъ острыхъ, звѣрскихъ зубъ,
    Трепетъ тонкихъ, блѣдныхъ губъ
Стѣснили демону уста,
И онъ со злобой прошепталъ:
„Старикъ, мы въ разныя мѣста“...
    Сказалъ,
    Отсталъ
И вихремъ исчезалъ.
А Климычъ въ слѣдъ ему, спроста:
—„Ты что, землякъ, сказалъ-то, ась?“
Увы! „землякъ“ исчезъ какъ мразъ
Передъ лучемъ дневного свѣта.
А Климычъ молвилъ: „есть примѣта,
Что „притча“ та не ко вреду.
Дай поскорѣ побреду.“
Что-жь! къ двѣнадцатому часу
Климычъ нашъ получить рясу.

XI.

Хорошо.—А гдѣ же бѣсъ?
Не совсѣмъ-ли онъ исчезъ?

Бѣсъ забрался въ лисью норку,
Сгрызъ осиновою корку,
Выпилъ кружку керосину
И проклялъ свою судьбину.
А затѣмъ, сложивши руки,
Размышлялъ себѣ отъ скуки:
„Вижу, это — „земскій“ мостъ, —
Щебень, глина и хворостъ...
Мостикъ выстроенъ на славу.
Ба? — идея — выпью тостъ
За Лѣнтяйскую управу.
Ой, вы, земскія дороги!
Охъ, вы, земскіе мосточки!
Я отбилъ себѣ всѣ ноги, —
Заболѣли даже почки.
Долго я живу на свѣтѣ,
Много я худого знаю:
Ѣздилъ я по рвамъ, болотамъ
И по рытвинамъ и кочкамъ,
Но ужъ земскимъ-то мосточкамъ
Я отнюдь не довѣряю —
Далеко ихъ объѣзжаю.
Ай, на счастье попытаться
Здѣсь по мостику пробраться...“
И, рѣшивъ ступить на мостъ,
Растянулся въ цѣлый ростъ.
— „Тьфу! — писали-бы ужъ прямо:
Здѣсь не мостъ, а волчья яма, —
Здѣсь и демонъ сломить шею...“
— Такъ и нужно кознодѣю! —
Растянувшись на спинѣ,

Бѣсъ молился сатанѣ:
„О, великій надъ бѣсами!
О, содѣтель дивныхъ чаръ!
Призри гнѣвными очами,
Посмотри, какъ мостъ сей старъ,—
Какъ столбы его не крѣпки,
Какъ разшатаны бруски.
Раздроби его ты въ щепки,
Разломай его въ куски.
Покарай ты этихъ „земцевъ“,
Призови ты мудрыхъ нѣмцевъ.
Пусть замѣнятъ старый новымъ
И осиновый - дубовымъ.
Это стоитъ такъ не много.
Окаянная—дорога!“

XII.

Подъѣзжалъ къ тому же мосту
Молодой одинъ крестьянинъ,
Ближней церкви прихожанинъ,—
Парень —хватъ, большого росту,
Дюжей силы, крѣпкихъ членовъ,
Ермолай Савельевъ Хрѣновъ.
Ермолай спѣшилъ съ базару.
Жеребятъ купилъ онъ пару
„На племя“ и для обмѣна.
Онъ „любилъ коней мѣнять;“
Не жалѣлъ овса и сѣна,
Чтобы „сотенку принять“,
—„Прочь съ дороги, эй, пьянчуга!“
Ермолай вскричалъ сердито,

„Ишь тѣ рожа-то разбита“...
Бѣсъ вскочилъ, дрожа съ испуга.

Демонъ.

—Нѣтъ, мой миленькій дружочекъ,
Я упалъ отъ боли почекъ.
Видишь, сколько рытвинъ, кочекъ.

—А я шелъ издалека...

Но люблю я мужика.

Ахъ, трудящійся крестьянинъ!...
Мужичекъ ты мой, бѣдняжка,
Какъ живется, другъ, не тяжело?

Хрѣховъ.

—Знамо, тяжело,
Коль плоха, слаба упряжка;
А поправимъ, да подтянемъ,—
Повеземъ—назадъ не глянемъ.

Демонъ.

—Ты, мой миленькій, здоровъ?

Хрѣховъ.

—Мы-ста? знамо, что не боленъ.

Демонъ.

—А начальствомъ ты доволенъ?

Хрѣховъ.

—Это—точно.
Платимъ, значить, сколько мочно—
И повольно и оброчно,

Демокъ.

—Вотъ обращикъ простоты!—

Хрѣховъ.

—А дозволю спросить—а ты?

Демокъ.

—Я своимъ не такъ доволенъ.

Хрѣховъ.

—Стало, съ должности уволенъ?
Вишь ты, строгое начальство.
Нѣтъ, мы чтимъ свое съ-измальства.

Демокъ.

—Чтите...

А иного не хотите?
Вонъ и блѣдны вы и бѣдны...

Хрѣховъ.

—Что-о?—ты очень, чтой-то, споренъ.
Блѣденъ я... а ты вонъ черенъ.
Васъ прогнали, вы и золъ.
Я не такъ-ужь бѣденъ-голъ,
Не пропилъ еще рубашку.
Ѣмъ по праздникамъ и кашку.
Мы не ходимъ, свать, на кражу,
Видишь, вотъ везу хозяйкѣ

Кумачу, холста, китайки.
Тутъ и шалью ей уважу.
Волны съ пудикъ — ей на пряжу.
Вотъ не ладенъ нонче вѣсь,
Все вѣсы-то портитъ бѣсь.
И вѣсы не тѣ — по модѣ.
Не дарма есть „стихъ“ въ народѣ:
„Только бѣсь бываетъ бѣденъ.“
Вонъ и ты съ чегой-то блѣденъ.

Демокъ.

— Правда: ѣмъ одну осину,
Пью двѣ кружки керосину.

Хрѣкоеъ.

— Вона! стало быть, отъ боли?
Али все пропало въ полѣ?
То-то: видно вашу милость.
Я смотрю на вашу хилость —
Вижу, жить-то вамъ трудненько
Да и въ хлѣбѣ-то бѣдненько.
Нѣтъ, мы топимся осиною,
Начиная съ Покрова...

Демокъ.

— Дороги у васъ дрова?

Хрѣховъ.

— Сажень двадцать два съ полтиной.
Кой-разъ топимъ и соломой.

А послушай-ка, знакомый,
Чтой-то ты легко одѣлся?
Керосиномъ что-ль согрѣлся?
Вотъ что, другъ полу-почтенный,
Чай ты парень откровенный,
Разскажи, ты кто таковъ?

Демонъ.

— Другъ я русскихъ мужиковъ.

Хрѣховъ.

— Такъ... У насъ для всѣхъ дорога.
Можетъ, бѣглый изъ острога?
Случай былъ у насъ недавно...
Дѣло было презабавно.
Такъ, назадъ, ну, дней пятокъ,
Насъ собралъ какой-то стрюцкій.
Рѣчь-то льется какъ потокъ,
Ну, а выговоръ казюцкій—
И кричитъ: „я Русь исправлю,
Я вамъ подати посбавлю,
А хозяйство поведемъ
Не съ копейкой, а съ рублемъ.“
Видимъ, ласково онъ грѣтъ,
Ну, а самъ не жнетъ, не косить
И не пашетъ, и не сѣетъ;
Сюртучишко дрянный носить;
Денегъ вовсе не имѣтъ
И на хлѣбъ насущный просить,
Да и водку знатно жретъ.
Мы къ нему сей-часъ же строго:

— „Ну-ка, скатертью дорога—
Нѣтъ тебѣ до насъ тутъ дѣлъ.
Баламутишь ты народъ.
Уходи, покуда цѣлъ,
Ну-ка, ну,—вотъ такъ-то вотъ...“
Что же сдѣлалъ онъ, пострѣлъ?
Обругался, поблѣднѣлъ
И въ минутую исчезъ.
Кой-тутъ баринъ, просто—бѣсъ.

А ужъ наши мужики

Принажали кулаки.

А послушай-ка, знакомый,
Что ни разу ты не грѣлся
На кулачномъ на бою?
Нѣтъ? а я могу признаться—
Я охочъ въ бою подраться:
Противъ двухъ одинъ стою.
Видишь, крѣпкій кулачище.

Демокъ.

—Вижу, крѣпкій мужичище.

Хрѣмовъ.

—Двухъ „мерзавчиковъ“ проглотимъ,
Такъ копенку въ день смолотимъ
Да, не какъ-нибудь,—цѣпомъ,—
Только пыль летитъ столбомъ.
Ты у насъ не знаешь Ѳедьку?
Тотъ вотъ малый-то двужильный.
Жретъ весь годъ горохъ да рѣдьку.

А поди какой онъ сильный.
Онъ теперь сидитъ въ „сибиркѣ“:
Задавилъ онъ негра въ циркѣ.
Вотъ бороться страсть охочъ,
Хоть и съ демономъ—не прочъ.
Оедя водки малость тяпнулъ;
Взявши негра, придавнулъ:
Спину, значить, перехряпнулъ
Да свернулъ налѣво скулъ.

Демонъ.

—Неужели онъ такъ силенъ
И притомъ такъ скудно ѣсть?

Хрѣновъ.

—Если хочешь—побожусь:
Провались я,—вотъ тѣ крестъ!...

Демонъ.

—„Что за Русь!
Ну, что за Русь!...“
Взвизгнулъ демонъ откровенно
И исчезъ вдали мгновенно.

XIII.

— „Что за притча?
Хрѣновъ судить,
Изъ какихъ же это будетъ?
Тутъ бываетъ—
„Пролетаетъ“ ...

Но никто не пропадаетъ.
Правда, случай былъ намеренъ,—
Правда сущая—не бредни,—
Здѣсь погибъ и становой.
Ужъ кричалъ-то: ой, ой, ой!..
Вхалъ онъ не то къ обѣднѣ
Али въ „волость“ везъ приказъ.
Ну, сердечный, и завязъ...
И не вылезъ онъ на сушу,
Такъ и отдалъ Богу душу.
Жаль, оставилъ малыхъ дѣтокъ
(То въ газету—для „замѣтокъ“).
Тутъ у насъ и отпѣвали.
Мы о томъ послѣ узнали,
Что расходы записали,
Говорятъ, на земскій счетъ.
Записали да не въ срокъ,—
Въ книгу, гдѣ продѣтъ снурокъ
И изорванъ переплетъ:
Видно только слово „для“
И подальше—два нуля.
Да болтали мужики,
Что попамъ не заплатили,
Говорятъ, что не съ руки,—
Что указъ, молъ, получили—
За умершихъ не платить.
Не платить... а чѣмъ имъ жить?

XIV.

Тотъ расходъ и мы не вносимъ:
Мы ревизію разспросимъ.
Дѣло путалъ тутъ лукавый.

Дорожа своею славой,
Онъ былъ друженъ съ той управой.
У него разсчеты тонки,—
Мастеръ онъ добыть деньжонки.
Правда, совѣсть протестуютъ,
Ну, а люди все воруютъ:
Крадетъ глупый, крадетъ геній—
Не стыдится „угрызений“,
Не страшитъ его законъ.
Такъ бывало испоконъ.
Люди практики, науки
Любятъ всѣ металлъ блестящій:
Онъ притягиваетъ руки.
Не беретъ тѣлесно спящій,
А въ комъ совѣсть крѣпко спитъ,
У того въ рукахъ магнитъ—
Деньги къ пальцамъ пристають,
Пальцы денежки берутъ...
Что подѣлаете тутъ?—
Но въ природѣ преступлений
Есть начало и мучений.
Казнь злодѣямъ—въ ихъ дѣлахъ:
Произвелъ растрату, крахъ—
И грозитъ позоръ и страхъ:
Тотъ стыдится и дознаній,
Тотъ трепещетъ наказаній.
Вотъ примѣръ такихъ терзаній.
Демонъ съ земствомъ подружился
И надумалъ съ нимъ разжиться:
Земскій мостъ поразвалился,
Самъ же бѣсъ на немъ разбился...

Книга седьмая.

Гибель.

I.

Гдѣ же демонъ? живъ-ли онъ?
Живъ, но очень огорченъ.—
Не довольный русскимъ людомъ,
Онъ мечталъ, какимъ-бы чудомъ
Взволновать простыхъ людей.
Тщетно думалъ кознодѣй.
Пригорюнился несчастный.
Но, до славы крайне страстный,
Онъ рѣшился попытаться
И за розыски приняться.
Сѣлъ онъ позднею порою
Да и думаетъ съ собою:
Кто мнѣ будетъ другомъ въ горѣ?
Кто поможетъ дѣлу вскорѣ?
Кто мою поддержитъ славу?
Да, тутъ думать надо много.

А куда сія дорога?
Ба!—дорога „на Варшаву,“
Такъ гласитъ дорожный знакъ.

Что-жь? вѣдь прежде было такъ:
Кто не могъ дружить съ Москвою,
Съ Польшей другомъ былъ, съ Литвою.
Въ Польшѣ есть не мало розни:
Тамъ мои возможны козни.
Любятъ тамъ мечтать о славѣ,
Любятъ тамъ мечтать о власти.
Поищу друзей въ Варшавѣ;
Подожгу тамъ эти страсти:
Если будетъ то по нраву,
Посулю имъ власть и славу.
Чтожь безъ цѣли я скитаюсь?
Такъ,—въ Варшаву отправляюсь.
Правда, я мечтаю смѣло,—
Тамъ слѣдятъ за этимъ строго
И для этакого дѣла
Денегъ нужно много-много.
А евреи-то? евреи—
Всей вселенной казначеи.
Я на нихъ давно сердить;
Ихъ получше настрашаю
И откроютъ мнѣ кредитъ.
Я давно ихъ слабость знаю.
Говорятъ, еврей-банкирь,
Это—истинный вампиръ.
Нѣтъ, молва сія пристрастна,
И притомъ займу я частно.
Какъ уладилъ бѣсъ дѣла,
Пишутъ намъ корреспонденты:
Бѣсъ досталъ себѣ двѣ „ренты“
Сумма коихъ не мала,
Говорятъ-де тысячь двѣсти.

Удивительныя вѣсти!—

—Охъ, проклятый бѣсъ, въ томъ мѣстѣ
Много онъ заслужить чести,
Много сдѣлаеть и зла.

II.

Бѣсъ, пройдя прямой дорогой
Что-то около недѣли,
Былъ уже у самой цѣли.
Но у самой у заставы
Приставъ города Варшавы,
Панъ Доминикъ Ростаковскій
Видить—парень-то московскій,
Прямо къ путнику—носъ къ носу
И сейчасъ его къ допросу:

„Панъ, откуда и куда?“

Бѣсъ назвался человѣкомъ,
Почему-то даже грекомъ,
Съ удивительнымъ прозваньемъ:
Панъ Петро-Петровъ-Петровскій.
Частный приставъ Ростаковскій,
Говорившій съ заиканьемъ,
Службу правилъ идеально.
Бѣсъ допрошенъ былъ формально
И записанъ пунктуально.

---„Ффа-фамилія чужая!“

Возопилъ ретивый приставъ
(Въ гнѣвѣ приставъ былъ неистовъ),—
Ппа-па-пана до сарая
Хлоп-хлоп-хлопцы отведите
И ппо-крѣп-крѣпче заприте.“

И заперли бѣса въ „козу.“
Сѣлъ онъ въ узкую каморку,
Сгрызъ осиновую корку,
Керосину выпилъ дозу.
Видитъ приставъ, панъ-то бѣденъ,
Вѣры ровно никакой,
Словомъ, въ Польшѣ онъ не вреденъ,
Отпустилъ, махнувъ рукой.

III.

Что же дѣлалъ бѣсъ въ Варшавѣ?
О, стремился къ той же славѣ!
Онъ рѣшилъ служить въ театрѣ,
Взять хоть маленькую роль,
Въ годъ хотя-бы сотни на три:
Вѣдь на все согласна голь.
Не тотчасъ приняли „грека.“
Взять нельзя-де безъ протекцій,
Вотъ отвѣтъ отъ всѣхъ дирекцій.
И въ театрахъ, значитъ, нужны
Двѣ-три пары индульгенцій.
Говорятъ, что храмъ искусства
Возвышаетъ въ людяхъ чувства,
Устраняетъ грубость, мракъ,
Словомъ, тамъ души отрада.
Демонъ нашъ судилъ не такъ;
Демонъ былъ такого взгляда:
— „О, театръ, то— наша школа!
Тутъ весь курсъ инстинктовъ пола,—
Вся наука страсти нѣжной.
Здѣсь пѣвицы и актеры

—Дѣти страстной Терпсихоры—
Всей своей толпой мятежной
Служать намъ на всѣ лады.
Мы вкушаемъ здѣсь плоды:
Здѣсь танцовщицы-пѣвицы,
Намъ побочныя сестрицы;
Эта хищныхъ птичекъ стая,
Съ страстной пѣсенкой порхая,
Ловкимъ взмахомъ подола
Въ плѣнъ берутъ, порабащаютъ,
Обираютъ до-гола.
Театралы твердо знаютъ
Всѣ ихъ игры и забавы,
И трофеи нашей славы.“
Демонъ, можетъ быть, и вретъ,
Извините напередъ,
Просимъ мы не лицемѣрно;
Но одно безспорно вѣрно,
Что театръ не лѣчитъ совѣсть.
Впрочемъ, мы продолжимъ повѣсть.

IV.

Бѣсъ, не вѣдаясь съ начальствомъ
И, какъ кажется, съ нахальствомъ,
Поступилъ, но не въ актеры,
А въ простые бутафоры.
Вѣдалъ онъ и бутафорство,
Видѣлъ ловкое актерство,
Видѣлъ польское притворство.
Присмотрѣлъ онъ здѣсь двухъ полекъ
Для пикантныхъ разныхъ ролекъ.—

Тѣ по сценѣ двѣ сестрицы,
Панья Анна Капризевичъ,
Панья Клэра Раздражевичъ,
Были хитрыя дѣвицы,
На притворство—мастерицы:
Могутъ плакать томно-сладко
И смѣяться нѣжно-звонко,
И кокетничать претонко.
Обѣ стройны, обѣ ловки,
А въ парижской гримировкѣ
Бѣса взбѣсятъ расплутовки.
А глазами строятъ штуки...
А подносятъ къ сердцу руки...
А слагаютъ какъ персты...
Какъ садятся на кушетки...
Словомъ—польскія кокетки.
Бѣсъ стремился къ ихъ услугамъ
И соорилъ планъ плутовскій.
Но давно слѣдилъ за другомъ
Панъ Доминикъ Ростакъовскій
И донесъ на „легкихъ“ дамъ
Пресердитымъ тремъ ксендзамъ.
Тѣ ксендзы явились скоро
И, схвативши „грека“-вора,
Порѣшили погубить.
Грекъ успѣлъ предупредить,—
Озадачилъ ихъ вопросомъ:

Демонъ.

— Не желаете-ли славы?

Ксехдзъ.

—Нѣтъ, не прежніе здѣсь нравы.

Демонъ.

—Не желаете-ли власти?

Ксехдзъ.

—Богъ избавь насъ отъ напасти!

Демонъ.

—Ахъ, отцы, вы идеальны!...

Но, безъ власти—вы печальны.

Два ксехдза.

—Gaudeamus!

Демонъ.

—Ваши шутки неумѣстны.

А печали вамъ извѣстны?

Два ксехдза.

—Ignoramus!

Бѣсъ озлился

И дразнился:

„Тѣфу!“ — „незнамусь“

Да „незнамусь!“

Третій ксехдзъ.

—Нѣтъ, лукавецъ, не взыщи:
Здѣсь ты друга не ищи.
Были прежде здѣсь софисты—
„Дипломаты приключеній“—
Мы не терпимъ ихъ ученій,
Мы отъ той „проказы“ чисты.
Горькимъ опытомъ мы знаемъ,
Что не будетъ Польша „раемъ,“—
Есть и будетъ только „краемъ.“
Прочь съ твоимъ совѣтомъ вреднымъ!...

. . . . .
Бѣсъ упалъ на землю блѣднымъ.
Съ бѣсомъ обморокъ случился...
Долго о землю онъ бился.
Но, очнувшись, бодро всталъ,
Горько-горько зарыдалъ,
Отошелъ и—удавился...

Случай подлинно ужасный.
Бѣсъ отчаялся несчастный:
Онъ боялся сатаны—
Не простить ему вины.

V.

Въ Польшѣ бѣсы всюду были,
Гдѣ служили, гдѣ гостили.
Бѣсы тотчасъ къ телефону—
Извѣстить царя бѣсовъ:
Вѣсть послали прямо къ трону
Сразу въ сорокъ голосовъ.
Бѣсы свой изобрѣли

Телефонъ безъ электродовъ,
Безъ столбовъ и безъ проводовъ
Въ адъ со всѣхъ концовъ земли.
Говорили телефономъ
По особеннымъ законамъ.
Сатана весьма дивился
И немножечко позлился,
А потомъ и прослезился...

Сатана.

— „Жаль, что скоро уходился,—
Онъ бы въ Австрію годился...
Чтобъ простить ему „измѣну“,
Я его послалъ бы въ Вѣну.
Онъ однажды тамъ случился
И примѣрно отличился:

Такъ взбудоражилъ весь парламентъ,
Что не могъ дѣла уладить
Полицейскій департаментъ.
Тамъ онъ могъ бы все загладить.“

VI.

Все, по смерти что осталось,
Что полиціи касалось,
Описали все подробно—
Точно, честно,—безподобно:
Фракъ, немножко керосину
Да „несчастную полтину.“
Тутъ нашлись и документы—
Двѣ росписки на двѣ ренты.
Но у бѣса нѣтъ семейства,

Нѣтъ наслѣдниковъ прямыхъ
Да и дальнихъ нѣтъ родныхъ.
Ренты сдали въ казначейство;
А немножко керосину
Дали сторожу-солдату—
„Пусть свою освѣтитъ хату;“
А „несчастную полтину“
Взялъ въ награду полицейскій.
Но, онъ былъ солдатъ армейскій,
Онъ „себя не поблажалъ“
И душой принадлежалъ
Къ нестяжательнымъ натурамъ,—
Онъ послалъ „полтину“ Бурамъ...
Фракъ еврейчики купили
И отправили на торгъ,
Тамъ продали—рубль нажили.

Трупъ подъ спиртомъ уложили
И свезли въ Варшавскій моргъ.
Два студента-анатома,
Для науки и для дѣла,
А не то что для диплома,
Вскрыли рѣдкостное тѣло
Съ головы до самыхъ пятокъ.
Долго рѣзали, съ терпѣньемъ:
Смотрятъ—видятъ съ изумленьемъ
Въ сгибахъ мозга отпечатокъ—
Русскихъ буквъ одинъ десятокъ.
Присмотрѣлись и читаютъ:
„С-л-а-в-о-л-ю-б-і-е...“ — Ужасно!
Вотъ какъ люди умираютъ.
Какъ „тщеславіе“ опасно,—
Вѣлась въ мозгъ сія страстишка.

Но сосновый гробъ и крышка
И тщеславнаго закроютъ:

Страсти,

Кости,

Все скорехонько заркоутъ.

Нужно только мозгъ оставить

И, какъ слѣдуетъ, оправить.

Мы сработали бы чисто.

Рѣдки эти препараты...

Но про смерть „пропагандиста“

Скоро свѣдали аббаты

И тотчасъ безъ всякой платы

Бѣса ночью схоронили.

—Гдѣ? извѣстно—гдѣ, въ могилѣ.

VII.

А извѣстный ксендзъ-сатирикъ,

Панъ Адамъ Гоноровитый,

Мужъ науки, даровитый,

Написалъ и панигирикъ.

Ксендзъ досуженъ былъ по службѣ,

Съ бѣсомъ былъ отчасти въ дружбѣ;

Впрочемъ, это—такъ, не гласно.

Но писалъ онъ безпристрастно.

То—не рѣчь на юбилеѣ,

Гдѣ, подъ-выпивку, смѣлѣе,

Словъ и легкихъ не жалѣя,

Всякій всяко ораторить,

А спроси—и не повторить.

А почтенный юбиляръ,

Если онъ не очень старъ,

То блѣднѣя,
То краснѣя,
Отъ горячихъ словъ потѣя,
Наконецъ, какъ ракъ, весь красный,
„Благодарствуетъ,“ несчастный.
Бѣсъ былъ болѣе счастливъ.
Ксендзъ былъ честенъ и стыдливъ,
Былъ воздерженъ, не болтливъ,—
Написалъ, хотя и частно,
Панигирикъ безпристрастно.

VIII.

ПАНИГИРИКЪ.

Панъ Петро-Петровъ-Петровскій,
Мужъ ни польскій, ни литовскій,
Духъ французской атмосферы,
Страстный духъ, безъ всякой вѣры.
Онъ любилъ печать и гласность;
Подмѣчалъ онъ мелочь, частность,
И писалъ о всемъ въ газетѣ,
Порицалъ онъ все на свѣтѣ.
Страсть имѣлъ къ интригѣ, къ спору
И къ сатирѣ, и къ юмору;
Былъ любитель состязаній,
Думскихъ, земскихъ засѣданій,
Жаркихъ преній, но— безъ знаній;
Не любилъ газету „Свѣтъ,“
Ибо тьмы въ томъ „Свѣтѣ“ нѣтъ,
И читалъ онъ тѣ газеты,
Гдѣ дѣла его воспѣты.

Такъ, на страницахъ всѣхъ газетъ,
На языкѣ одномъ россійскомъ,
Его же подвигъ былъ воспѣтъ—
Когда въ парламентѣ австрійскомъ
Дрожали мраморныя стѣны,
Когда всѣхъ ярыхъ пертій члены,
Послушавъ бѣса-забіяку,
Отъ спора бросились въ атаку
И учинили битву-драку,
Но, бывъ распущены Керберомъ,
Министромъ-лисомъ, лицомъ-ромъ,
Всѣ разошлись по домамъ.
И былъ же крикъ, и былъ же срамъ!—
На радость демонамъ-бѣсамъ“...

IX.

—То правда: въ Вѣнѣ былъ скандалъ,
Но кто-жъ о немъ и не читалъ?
Такихъ тамъ много было драмъ.
А не сказать-ли новость вамъ?

Вѣдь Киръ Ливанскій-то женился
На той, въ которую влюбился.
—На Олѣ? да?—Да, точно такъ.
Безспорно, счастливъ этотъ бракъ.
Ливанскій могъ попасть въ зятя
И къ благочинному любому;
Однако вышла тутъ статья,—
Пришелся, значить, парень къ дому,
Увлекся скромницею Олей
И добротой ея души.
Отецъ, бывъ счастливъ этой долей,

Все повторялъ: „какъ хороши!...“

Но дѣло строилось въ секретѣ.

А не вѣнчался Киръ дотолѣ,

Пока все сладилось по школѣ,

И деньги высланы по смѣтѣ,

Да и экзаменъ сданъ на льготу.

И дѣти славно отличались.

Ну, словомъ, кончивъ всю работу,

Тогда спокойно и вѣнчались,

Какъ-то тутъ въ началѣ лѣта.

А къ вѣнцу была одѣта

Скромно скромная невѣста,

Безъ бѣлилъ, безъ всякой краски.

Въ церковь ѣхала въ коляскѣ.

А коляску далъ помѣщикъ

И приходскій обыватель,

Онъ съ Ливанскимъ былъ пріятель,

Аполлонъ Антонычъ Лещикъ.

На свадьбу многихъ-многихъ звали.

Но „мать благая“ — попадаья

Ждала Ливанскаго въ зятя;

Та не желала быть на балѣ.

За то на свадьбѣ пировали

Два обывателя прихода,

Два запѣвалы хоровода —

Хрѣновъ, парень не-гуляка

(Выпилъ чарки двѣ, однако),

Да Краховъ — истовый служака.

Краховъ былъ въ военной службѣ;

Хрѣновъ съ Краховымъ былъ въ дружбѣ.

Были, пѣли, пили вмѣстѣ

Да все кланялись невѣстѣ.

Краховъ пѣлъ какъ-будто съ гнѣвомъ,
Съ бойкимъ лагернымъ припѣвомъ.
А другіе подпѣвали,
Но подъ пѣсню не плясали.
Мы ту пѣсню записали.

Х.

ПѢСНЯ КРАХОВА.

Были-жили въ годъ студеный.
На селѣ въ странѣ крещеной,
Взъерошевичъ—враль ученый,
Полякевичъ—хлыщъ лощеный.

Оба-два друзья въ приходѣ,
Тонъ даютъ на сельскомъ сходѣ,
Пристаютъ ко всѣмъ въ народѣ,
Какъ рѣпы на огородѣ,

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Потѣшаются бахвальствомъ
Да съ несдержаннымъ нахальствомъ
И со злобнымъ зубоскальствомъ
Ссорятъ насъ съ своимъ начальствомъ.

Будто любятъ насъ—крестьянство,
А внушаютъ намъ буянство.
Развѣ это христіанство?
Ясно дѣло — шарлатанство.

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Нѣтъ, я, братцы, изъ военныхъ,
Я видалъ убитыхъ, плѣнныхъ,

Зналъ и въ рабствѣ угнетенныхъ,
Утѣшалъ больныхъ, презрѣнныхъ,
Видѣлъ виды,—былъ на морѣ.
Знаю скорби, знаю горе.
Видишь скорбь, утѣшь, братъ, вскорѣ,—
Не топи ты горе въ спорѣ.

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

О трудѣ болтаютъ съ-жиру,
Сулятъ радость, счастье „міру“
И зовутъ всѣхъ нищихъ къ пиру,
А поди—запрутъ квартиру.

Бросьте вы о счастья грезы.
Чужды вамъ народа слезы.
Хлѣбъ не сѣютъ въ бури, въ грозы...
Не цвѣтутъ подъ снѣгомъ розы...

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Не отрете слезъ народныхъ:
Нѣтъ у васъ и средствъ пригодныхъ,
Кромѣ каверзныхъ, безплодныхъ,
Разсужденій съумасбродныхъ.

Мы питаемся картошкой,
Мы ѣдимъ корявой ложкой,
Утираемся ветошкой.—
Крѣпки ручкой, тверды ножкой...

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Пресловутый вашъ учитель,
Христіанскихъ душъ мучитель,
Вѣры нашей искажитель,
Закулисный просвѣтитель,

Слылъ писателемъ народнымъ,
По ошибкѣ—благороднымъ,
Оказался сверх-свободнымъ
И народу не пригоднымъ.

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Порицалъ онъ нравы съ жаромъ;
Торговалъ чужимъ товаромъ;
Не прошло ему то даромъ.
Но—забудемъ мы о старомъ.

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Сбросьте „дружества“ личину,
Дайте свѣтъ простолюдину:
Я тогда вамъ шапку скину,
Преклоню не шею,—спину.

Охраняйте совѣсть Вѣрой,
Васъ пойметъ крестьянинъ сѣрый.
Трудъ вашъ будетъ не аферой,
А прямой прекрасной мѣрой.

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Если всѣ купцы, крестьяне,
Духовенство и дворяне
Будутъ жить какъ христіане,
Будутъ жить не на обманѣ,

Будутъ честны и стыдливы,
Трезвы всѣ, трудолюбивы
И на женъ не прихотливы,—
Вѣрно будутъ всѣ счастливы!

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

Мы всегда съ царями жили,
Вѣрой-правдой имъ служили.
И напрасно насъ мутили,
Намъ и льстили и вредили
То поляки и литовцы,
То хлысты и безпоповцы,
То масоны и толстовцы,
Разныхъ званій „безтолковцы“...

Эхъ-ма, Взъерошевичъ!

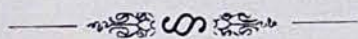
Разъ-два, Полякевичъ!

Честны мы предъ Государемъ,
Въ грязь лицомъ мы не ударимъ,
Мы не съ вами пиво варимъ.
Подойдите—такъ ошпаримъ...

Не хитрите съ мужиками,
Не сбивайте пустяками.
За Царя мы со штыками
Станемъ грудью, головами!—

Эхъ-ма Взъерошевичъ!

Разъ-два, Полякевичъ!

1903 г.

Тула.

